

Мекленбургская принцесса

Автор:

Иван Оченков

Мекленбургская принцесса

Иван Валерьевич Оченков

Приключения принца Иоганна Мекленбургского #5 Современный фантастический боевик (АСТ)

Никакой Германии в начале XVII века еще не было, а была огромная Священная Римская империя германской нации, разделенная на сотни княжеств, епископств, маркграфств и прочих курфюрстств. И в каждом из них свой властитель, только и думающий, как откусить от соседа кусочек повкуснее, чтобы пристроить одного из своих многочисленных отпрысков. А уж если ты не принц, а принцесса, да еще и незаконнорожденная, то твой удел служить разменной монетой в политике и выйти замуж за какого-нибудь третьесортного феодала. Но тут что-то пошло не так, и в тело одной из таких незаконнорожденных принцесс попала девушка из будущего. Удастся ли выжить нашей современнице в те суровые времена, когда никто и не слышал о правах человека, феминизме и толерантности? А тут вдобавок еще мир не совсем такой, как в нашей истории. На Руси после Смуты правит какой-то царь Иоганн, на дорогах Пруссии кроме разбойников можно встретить будущего патриарха Филарета, в Чехии зреет восстание, которое вскоре перерастет в страшную тридцатилетнюю войну. А правит всем один закон – закон меча и силы.

Иван Оченков

Мекленбургская принцесса

© Иван Оченков, 2021

* * *

На измученный летней жарой город опускалась ночь, но она не могла принести облегчения его жителям. Слишком уж раскалились за день асфальт дорог и бетон стен. Покинувшее небо солнце, казалось, позволило одуревшим от духоты людям выйти из своих убежищ, но разогревшийся за день воздух продолжал обжигать их своим знойным дыханием.

Кондиционеры, облепившие здания подобно гнездам невиданных животных, нутужно гудя, создавали иллюзию прохлады, обрушивая на своих хозяев миллиарды микробов, роящихся на их радиаторах. Но даже они не могли победить ужасную жару, давая лишь временное облегчение прячущимся под ними и заставляя простужаться и заражаться несчастных.

К тому же кондиционеры и сплит-системы были далеко не у всех. У Шурки, к примеру, не было ни того, ни другого. Хозяева квартиры жались, а устанавливать за свой счет, зная, что рано или поздно придется съезжать, было немного глупо. Правда, можно было по-ехать к сестре. Алена ее постоянно звала и даже предлагала совсем переехать к ним, по крайней мере на время, но Александра отказывалась, не желая стеснять своих близких. Она вообще с детства была девушкой самостоятельной и привыкла решать свои проблемы в одиночку.

Но сегодня, пожалуй, можно было сделать исключение и навестить богатых родственников, тем более что они ее приглашали. Душ не принес желанного облегчения, но все же немного освежил ее. И, натянув на себя просторную футболку и шорты, Шурка вышла из дома. Лифт, как всегда, не работал, так что на улицу она вышла изрядно запыхавшись. Парковок в этих местах отродясь не водилось, так что все возможное пространство было занято машинами местных жителей. Тяжело вздохнув, девушка двинулась к остановке, миновав по пути компанию молодых людей, распивающих ледяное пиво из пластиковых бутылок.

– Гляди, мужик беременный, – показал пальцем один из них, и вся компания довольно заржала.

Ругаться с ними не было ни сил, ни желания. К тому же Шурка действительно внешностью и поведением напоминала больше молодого человека, нежели девушку. Раньше. До беременности.

Этот стиль она выбрала очень давно, еще в детстве. Когда в школе отменили форму, из ее гардероба постепенно исчезли юбки и платья, уступив место джинсам и рубашкам. Почему? Просто так удобнее. Зачем мучиться с каблуками, если можно обуть кеды? Для чего битый час расчесывать волосы, если короткую мальчишескую прическу достаточно поправить пятерней?! Мама с сестрой поворчали, но смирились, а больше у нее никого не было.

Разве что Ванька. Они были довольно дальними родственниками и дружили с детства. По сути, он был единственным ее настоящим другом, и это было хуже всего. Дело в том, что Шурка относилась к нему совсем не по-дружески и уж тем более не по-родственному. Но сначала она была маленькой, а потом он влюбился в ее сестру. В Алёну было трудно не влюбиться, она была настоящей красавицей, а Александра... стала Шуркой. Они вместе гуляли, пили пиво, возились с машиной и ходили на речку. Причем этот чурбан, увидев ее в купальнике, непременно делал большие глаза и недоуменно спрашивал: «Ты что, девчонка? Я и не знал...» Блин, убила бы!

То, что она девушка, он не разглядел, даже когда Алёна вышла замуж. Случилось это довольно спонтанно и стало для всех полной неожиданностью. Во всяком случае, для Ивана точно. Он тогда на пару лет пропал, а затем, когда вернулся, все пошло по-прежнему. Шурка – свой парень и они – лучшие друзья. Потом случилась эта дурацкая поездка в Германию, и показалось, произошло чудо. Она впервые была с ним близка... хоть и не одна. Вот уж не думала, что когда-нибудь докатится до такого! Это же надо, так напиться, что устроили тройничок... а на другой день его убили. Вот и слушай после этого рассказы про безопасную Европу и ужасную Рашку, где по улицам ходят пьяные медведи с балалайками.

Какой-то придурок попытался выхватить у Алёны сумку, Иван вступился и получил удар ножом в бок. До больницы его не довезли. Глупая смерть, если они вообще бывают умные. Узнав о потере, Шурка выла в голос как раненая волчица, испугав и сестру, и ее подругу Светлану. Да-да, ту самую третью участницу их приключения. Та, разумеется, тоже всплакнула, да и с Алёной едва удар не случился, но все же больше всех убивалась именно Александра. Будь она проклята – та Германия и особенно этот мерзкий Кляйнештадт!

Короче, от поездки остались только горькие воспоминания, да еще сюрприз в животе. Она тогда, чтобы заглушить боль, с головой окунулась в работу и, замотавшись, не обращала внимания ни на задержки, ни на самочувствие, и лишь когда живот стал расти, догадалась сходить к гинекологу. И вот пожалуйста – мужа нет, своего жилья нет, аборт делать поздно, да и убить ребенка от любимого человека...

В общем, Шурка решила рожать. Пока сбережения были, а потом можно будет вернуться домой к матери. Не выгонит же она ее, в конце концов? Потом... так далеко она не заглядывала.

Алена с мужем жили за городом в собственном доме. Вокруг дома был неплохой сад, создававший тень, а еще там был бассейн, сплит и все, что необходимо, чтобы пережить летний зной.

– Шурка, привет! – крикнул ей Лешка, возившийся во дворе с радиоуправляемым вертолетом. – Ты чего не позвонила, я бы встретил?

– Ничего, я сама прекрасно добралась, – отдуваясь, ответила та. – А где Алена?

– В воде, естественно, – пожал плечами зять. – Дельфина изображает!

На самом деле сестра лежала на шезлонге в одном купальнике и наслаждалась слабым ветерком, ласкавшим ее нежную кожу. Несмотря на то что солнце уже зашло, она все еще была в темных очках, придававших ее лицу выражение загадочности. Впрочем, увидев Александру, она сдвинула их наверх и поднялась ей навстречу, после чего они расцеловались.

– Как ты себя чувствуешь? – участливо спросила Алена.

– Спасибо, хреново, – отозвалась Шурка, устраиваясь поудобнее.

– Что-то случилось?

– Пока нет, но уже скоро.

– Ах вот ты о чем, – вздохнула сестра. – Везет же тебе!

Это была давняя боль Алены и Алексея. Рано поженившись, они хотели пожить для себя, а потому не спешили заводить детей. Причем настолько, что когда средства предохранения не сработали, муж уговорил ее прервать беременность. И вроде бы операция прошла без осложнений, но, когда они задумались наконец о продолжении рода, забеременеть у Алены не получалось. Они показывались многим специалистам, но те лишь разводили руками.

– Да уж, повезло так повезло! – пробурчала Шурка, прекрасно знавшая эту историю.

– Как странно все складывается, – продолжала сестра, думая о своем. – Вы всегда были с Иваном рядом, но никогда вместе. Я даже удивлялась, почему так...

– А то ты не знаешь!

– Да ладно тебе, – смутилась Алена. – Это когда было-то? Можно сказать – в детстве.

– Угу, вот только мужики – они ведь в принципе как дети. Посмотри хоть на своего!

В этот момент Алексею удалось завести свою игрушку, и вертолет, жужжа, как большой шмель, пролетел над сестрами, а сам «авиамеханик» с довольным криком понесся вслед за ним, размахивая пультом. Крыть было нечем, и переглянувшиеся сестры рассмеялись.

– Есть хочешь?

– Ага, только душ приму.

– Может, в бассейн?

– Он от меня никуда не уйдет.

Ужин прошел почти весело. Лешка, посчитав свою победу над непокорным летательным аппаратом трудовым подвигом, достал из холодильника пива и с удовольствием смаковал его. Алена тоже не отказалась, и лишь Шурка, проявляя заботу о будущем малыше, сидела как дура трезвая. Впрочем, ее в последнее время мутило и без спиртного. Сестра, заметив ее состояние, предложила ей пойти в комнату, и та, подумав, согласилась.

– Сань, ты ж рожать сегодня не будешь? – спохватился шурин. – А то я...

– Еще две недели, – успокоила его свояченица. – Так что можешь догоняться.

– Ты как-то неважно выглядишь, – встревоженно спросила сестра. – Спишь плохо?

– Да не то чтобы плохо, – скривилась Шурка. – Просто сны какие-то дурацкие снятся.

– Какие сны?

– Да так просто и не объяснишь... Дома средневековые, люди в старинных нарядах, герцогини, принцы, служанки... и самое главное, реально так всё. Кажется, протяни руку и потрогаешь.

– Ни фиги себе у тебя глюки!

– Сама в шоке.

– Ну, ладно, отдыхай. Может, сегодня обойдешься без своих видений.

– Хорошо бы, – откинулась на подушку Шурка и слабо улыбнулась. – Спокойной ночи!

– И тебе, родная!

Герцогство Померанское по германским меркам довольно велико и благополучно. В нем немало богатых городов и зажиточных деревень, а правят в тех землях герцоги из древней династии Грифичей. Правда, в последнее время этот некогда большой и сильный род – начал угасать. У умершего в 1606 году герцога Богуслава XIII было одиннадцать детей, семеро из которых дожили до зрелого возраста. Однако на нем божье благоволение и закончилось, ибо из всех сыновей только один имел потомство – трагически погибший князь Дарлова Георг. А вот его старшие братья – Филипп, Франц и Богуслав, несмотря на то, что долгое время были женаты, детей не имели. Правда, был еще один, до сих пор неженатый, принц Ульрих, и именно на этого молодого человека с надеждой смотрел весь род.

Но почему же вся надежда была лишь на принца Ульриха, если подрастал сын покойного Георга Дарловского? Все дело в том, что маленький Иоганн Альбрехт родился уже после смерти отца и потому носил прозвище Посмертный. И хотя княгиня Агнесса Магдалена родила его в положенный срок, кое-какие сомнения оставались, ведь несчастный случай с князем Георгом произошел вскоре после свадьбы. Говорили даже, что глава рода, герцог Штетинский Филипп, несколько не сомневался в незаконном происхождении малыша и даже пытался выгнать его с матерью из Померании. Однако потом он смягчился и передумал. Впрочем, Филипп, которого за стойкость в вопросах веры все называли Набожным, скончался этой зимой, и на престол взошел его брат Франц. На торжества, посвященные коронации нового герцога, собрался весь род, включая его старшую сестру Клару Марию, вместе с мужем, герцогом Августом Брауншвейг-Вольфенбюттельским. Это был второй брак герцогини, но более известна она благодаря первому, с герцогом Сигизмундом Августом Мекленбург-Стрелицким, а их единственного сына звали Иоганн Альбрехт... Да-да, Клара Мария была матерью русского царя!

Кроме того, на церемонию приехала ее невестка Катарина Шведская, вместе с сыном Карлом Густавом и дочерью Евгенией. Прибытие ее привело к некоторой неразберихе, поскольку никто не знал, как ее титуловать. В Стокгольме она была принцессой, в Мекленбурге – великой герцогиней, а в Москве была бы царицей, правда, там она еще не побывала, а следовательно, не была коронована...

– Рад приветствовать ваше королевское высочество, – нашелся с этим лично выехавший ей навстречу герцог Франц, и сестра шведского короля, к его счастью, ничем не выдала своего недовольствия.

– Ах, дорогой дядя, – улыбнулась она, выходя из кареты, – оставьте эти несносные церемонии для торжественных приемов...

– Надеюсь, вы не слишком устали с дороги? Право, я ожидал, что вы прибудете морем.

Легкая тень пробежала по лицу Катарины, но в следующую секунду она справилась с собой и обворожительно улыбнулась:

– Я куда больше люблю путешествовать посуху. Кстати, герцогиня Вольфенбюттельская уже здесь?

– Да, и вы скоро сможете увидеть ее, поскольку приготовленные для вашего королевского высочества апартаменты находятся рядом с покоем моей сестры.

– Чудесно.

Как только приехавшие дамы смогли привести себя в порядок, последовал торжественный обед, на который собрались все гости. Сестра короля и жена царя – величина немалая, и потому Катарине отвели самое почетное место рядом с герцогом, который весьма галантно ухаживал как за ней, так и за ее свекровью, расположившейся по другую сторону стола. Поначалу Грифичи чувствовали себя несколько натянуто, но их высокопоставленная гостья была мила, приветлива, и скоро все непринужденно болтали, как это водится между родственниками.

– Дорогой дядюшка, – спросила Катарина в перемену блюд, – а кто те дамы в конце стола?

– Какие именно? – переспросил он, занятый разговором с сестрой.

– Франц, тебя спросили о княгине Дарловской, – немного скрипучим голосом уточнила ничего не упускавшая Клара Мария.

– Княгиня Дарловская... – прикусила губу шведская принцесса.

– Да, это вдова моего брата Георга, княгиня Агнесса Магдалена, и ее приближенная – госпожа фон Нойбек.

– Никогда не слышала, – спокойно сказала Катарина и отвернулась, чтобы не видеть ехидной усмешки свекрови.

Герцог Померании почувствовал себя немного неловко и нервно спросил сестру:

– Клара, на чем мы остановились?

– Мы остановились на нашем беспутном братце Ульрихе, которому давно пора жениться.

– Ах, да... кстати, ты говорила, что у вас есть хорошая партия для него?

– Ничего подобного я не говорила! – возразила она. – Это мой Август толковал тебе о принцессе Гедвиге.

– Да-да, принцесса Гедвига, – тут же подхватил сидящий рядом с женой герцог Август, – весьма благовоспитанная и набожная девушка, которая вполне могла бы составить счастье...

– Лучше бы ты, Франц, побеспокоился об Анне, – прервала излишества мужа Клара Мария и требовательно посмотрела на брата. – Бедняжке уже скоро двадцать восемь, а она все не замужем! Для мужчины это нормально, но для девицы, согласись – чересчур!

– Уж не хотите ли вы сказать, матушка, что она старая дева? – нахмурилась Катарина, вышедшая замуж примерно в этом же возрасте.

– Я хочу сказать, – сказала как отрезала герцогиня, – что покойный Филипп едва не испортил нашей сестре жизнь, чрезмерно изучая нравственность потенциальных женихов!

– Ты излишне драматизируешь, сестра, причем совершенно напрасно! Скоро состоится помолвка Анны с Эрнестом де Крой, и не пройдет и года, как она выйдет за него замуж!

– Очевидно, матушка полагает нравственность не слишком важным качеством для мужчин... – тихо сказала шведская принцесса, но свекровь все равно ее – услышала.

– Вы не правы на мой счет, дитя мое, уж я-то прекрасно знаю, как может быть несчастна женщина, муж которой далек от нравственности. Однако я также знаю, что требовать нравственности от мужчины, находящегося вдали от жены – напрасный труд!

– Что вы хотите этим сказать? – ледяным тоном осведомилась Катарина.

– Я хочу сказать, милочка, что вам давно пора быть в Москве!

– Как вы можете так говорить, – возмутился сидевший подле принцессы прибывший в ее свите епископ Глюк, – разве вы не знаете, что ее высочество хотели заставить отречься от христианской веры!

Голос епископа стал проникновенным, будто он перед этим долго постился, готовясь к проповеди, а не объедался, пропустив мимо ушей половину разговора. Впрочем, жирные губы и прилипшая к подбородку крошка несколько портили впечатление от его велеречивости. Тем не менее все услышавшие его замолкли, с недоумением наблюдая за приключившимся скандалом. Однако Клара Мария была не из тех, кого легко смутить.

– Да будет вам известно, святой отец, что страна, где мой сын стал государем, приняла христианство гораздо раньше той, в которой родились вы. А потому не смейте оскорблять его и его подданных в моем присутствии, ибо оскорбление величества есть совершенно непростительное преступление, и мы, слава богу, не паписты, епископы которых неподсудны светским властям!

Высказав все, что она думала, герцогиня поднялась и, поблагодарив за угощение, удалилась вместе с мужем в свои покои. Следом за ней зал покинула Катарина, а затем к выходу потянулись и другие. Похоже, вечер был безнадежно испорчен.

Пока собравшиеся на торжественный обед выясняли отношения, в саду собрались дети и сопровождавшие их няньки. Трудно сказать, отчего так

получилось, но скоро два мальчика и две девочки, гуляющие по разным аллеям, оказались рядом и с интересом уставились друг на друга.

– Кто это, Карл? – спросила самая маленькая девочка, крепко державшая за руку своего брата.

– Я не знаю, – отвечал он ей неуверенно, – но если хочешь, мы познакомимся.

– Хочу, – немедленно заявила малышка, которой на вид было не более пяти лет.

Мальчик немедленно принял полную достоинства позу и торжественно заявил:

– Меня зовут принц Карл Густав, а это моя сестра принцесса Евгения. А теперь назовитесь вы!

– Меня зовут принц Иоганн Альбрехт, – учтиво поклонился второй мальчик, бывший примерно на год старше Карла Густава.

Самая старшая девочка приветливо улыбнулась и сделала книксен.

– Меня зовут Мария.

– Просто Мария? – переспросил Иоганн Альбрехт.

– Мария Рашке, – сделала еще один книксен девочка и обернулась к брату с сестрой, – вы разве меня не помните? Я воспитанница вашей бабушки герцогини Брауншвейг-Вольфенбюттельской, мы даже играли с вами, принц, когда вы приезжали в Вольфенбюттель. Ваша сестра была еще совсем малышкой, но вы должны меня помнить!

– Да, я помню, – просиял мальчик в ответ, – ты завязала мне глаза, и я должен был тебя искать!

– Я тоже хочу так играть! – немедленно заявила Евгения и даже топнула ножкой.

Мысль показалась детям такой соблазнительной, что они решили немедленно воплотить ее в жизнь. На роль повязки лучше всего подошел воротник Иоганна, благо на нем почти не было кружев. Заминка возникла лишь, когда решали, кому водить, но Мария нараспев прочитала какую-то забавную считалку, вызвавшую бурю восторга у остальных, и жребий пал на Карла. К сожалению, нигде не нашлось колокольчиков, но дети вышли из положения, крича принцу с разных сторон:

– Я здесь! Я здесь!

Карл с завязанными глазами бегал то за Марией, то за Иоганном, а малышка Евгения заливисто смеялась и хлопала в ладоши. Наконец, ему удалось поймать девочку, пытавшуюся нагнувшись пройти у него под рукой, и он, счастливо смеясь, стянул с глаз повязку. Теперь водить предстояло Марии, и ей торжественно повязали воротник. На этот раз игра была недолгой: Карл, прокричав: «Я здесь!» – ловко увернулся от расставленных рук, а вот дарловский принц и не подумал уворачиваться, и немедленно попал в объятия Марии. Та недоуменно сняла повязку и, увидев выражение лица Иоганна, фыркнула от смеха. Карл тоже смеялся вместе со всеми, при этом остро завидуя находчивому сопернику. За этим занятием и застали их няньки, спохватившиеся, что потеряли своих подопечных. Как ни сопротивлялись дети внезапной разлуке, как ни плакала маленькая Евгения, их все же разлучили и отвели по покоям. Разве что Мария ушла сама, напевая довольноно.

После обеда, едва не закончившегося скандалом, княгиня Агнесса Магдалена ужасно захотела прогуляться, но Штеттинский замок навевал на нее не слишком приятные воспоминания, и она, сделав несколько шагов по галерее, остановилась в нерешительности. Катарина фон Нойбек заметила ее состояние и спросила напрямик:

– Вас что-то беспокоит?

– По правде говоря – да. Мне все время кажется, что вот-вот откуда-нибудь выскочит покойный герцог Филипп и его мерзкий врач с камергером.

– Право, что за ребячество! Он давно умер, да и после острастки, устроенной ему... вашим героем, вряд ли был способен на какую-либо подлость.

– Мой герой, – усмехнулась Агнесса, – увы, он – уехал далеко-далеко, там женился и...

– Уехал еще дальше, оставив жену и детей, – продолжила Катарина.

– Ты злая, Като!

– Злая? Вот уж ничуть! Просто я привыкла реально смотреть на вещи.

– И что же тебе подсказывает твой взгляд?

– Что вашей светлости стоит перестать жалеть о том, чего у вас никогда не было, и заняться более насущными проблемами.

– О чем ты?

– О вас, моя княгиня, только и исключительно о вас! В самом деле: вы еще молоды и красивы, у вас есть титул и состояние, и вы вполне можете найти свое счастье в новом браке. Во всяком случае, попытаться!

– Ты же знаешь наши обстоятельства...

– И ничего я не знаю! Ваш сын уже не младенец, и нет никакой необходимости кудахтать над ним как наседка.

– Но наши враги...

– У вас был один-единственный враг – герцог Филипп Набожный, но он скончался, упокой Господи его черную душу! Младшие братья никогда не разделяли его предвзятого к вам отношения и, полагаю, не станут противиться вашему новому замужеству, при условии соблюдения прав маленького Иоганна Альбрехта.

– Мой сын – единственный наследник герцогского трона Грифичей! – отчеканила в ответ княгиня, в которой проснулась кровь Асканиев.

– О, я смотрю, у вашей светлости большие планы... – удивилась госпожа фон Нойбек, – раньше вы не вспоминали об этом обстоятельстве.

– Раньше я не часто виделась с родней мужа, а посмотрев на них всех вместе, кое-что поняла.

– И что же?

– Мой сын будет единственным наследником правителя всей Померании, и потому моя репутация должна быть безупречна!

– Но Ульрих еще может...

– Като, не смей меня, ты же его видела!

– Гхм...

Молодые женщины обернулись и с некоторым замешательством увидели принца Ульриха, очевидно, только что подошедшего. Тот явно слышал, что говорят о нем, хотя вряд ли понял, что именно. В лицо Агнессе бросилась кровь, а вот Катарина не растерялась и тут же бросилась в атаку:

– Ваша светлость, – склонилась она в реверансе, – какой приятный сюрприз, а мы как раз говорили о вас!

– Вот как, – растерялся Ульрих, – но...

– Как же, как же, ведь вы много путешествовали, учились в университете...

– В двух...

– Поразительно! А вот мы с Агнессой, к несчастью, нигде не были, кроме Анхальта и Померании. Вы должны непременно нам все рассказать!

С этими словами госпожа фон Нойбек сделала шаг в сторону, да так удачно, что принц Ульрих, продолжая следить за собеседницей, повернулся, оказавшись

рядом с княгиней.

– Право, я не слишком хороший рассказчик...

– О, мы совсем не избалованы хорошими рассказчиками, к тому же я уверена, что ваша светлость наговаривает на себя!

– Но...

– Ой, какая досада!..

– Что случилось? – встревожился принц.

– Я совсем забыла – у меня есть неотложные дела, но вы непременно должны рассказать все Агнессе, а она потом расскажет мне.

– Но удобно ли...

– Удобно, ваша светлость, она же вам почти сестра! Все, я убегаю!

Ошеломленный натиском Ульрих остался один на один с княгиней и лишь хлопал в недоумении глазами. Видя его замешательство, Агнесса мягко улыбнулась и попросила мелодичным голосом:

– Дорогой брат, расскажите мне об Италии.

– С восторгом... – пролепетал принц, – вы позволите предложить вам руку?

– Более того, я настаиваю на этом! – с самым серьезным видом отвечала она.

Катарина фон Нойбек осторожно выглянула из-за угла и, увидев, что принц и княгиня идут под руку, с удовлетворением вздохнула. «Эта семейка меня доконает!» – подумала она и решительно направилась к отведенным им покоям.

Впрочем, совершающих променады молодых людей видела не только она.

Герцогиня Клара Мария, стоящая у окна, тоже заметила эту странную парочку и

удостоила самого пристального взгляда. Пошевелив губами, как будто что-то пережевывая, она какое-то время рассматривала их, затем услышала шум и, обернувшись, спросила:

– Что там еще?

– Ее королевское высочество просит вас принять ее, – ответила камеристка, – вы позволите нам с Марией удалиться?

– Хорошо, Марта, ты можешь увести дочь, однако сама будь неподалеку. Полагаю, мне надо будет продиктовать несколько писем после разговора с невесткой.

– Как прикажет ваша светлость.

Камеристка сделала книксен и собиралась выйти, но герцогиня окликнула ее:

– Марта...

– Да, госпожа герцогиня.

– Девочка моя, я хочу, чтобы ты знала... я люблю всех своих внуков, хотя и не всех могу так назвать.

– Вы так добры...

– Вовсе нет, моя дорогая, однако я намерена всем им устроить будущее. Помни об этом, а теперь ступай.

Едва она вышла, как дверь в комнату отворилась и в нее зашла Катарина Шведская в сопровождении двух дам.

– Вы позволите, матушка? – ровным голосом осведомилась она.

– Сделайте одолжение, ваше королевское высочество, – с достоинством отвечала ей свекровь, – я всегда рада видеть вас и своих внуков.

– После нашего последнего разговора у меня сложилось иное мнение...

– Простите, милочка, но я уже стара, и у меня осталось мало времени. Именно поэтому я частенько говорю людям то, что думаю, а не то, что они хотят услышать. Это привилегия старости.

– Однако вы обвинили меня...

– В неисполнении супружеских обязанностей?

– Матушка, я бы попросила!..

– Дорогая моя, а нет ли у вас поручений для ваших дам? – прервала возмущение невестки герцогиня.

Катарина обернулась к своим приближенным и выразительно посмотрела на дверь. Дождавшись, когда они, сделав реверансы, выйдут, Клара Мария продолжила:

– Садитесь рядом, ваше королевское высочество, и извольте выслушать все, что я вам скажу. Когда ваш покойный батюшка, король Карл, пожелал выдать вас замуж за моего сына, это был, давайте говорить прямо, мезальянс! Вы – королевская дочь, а Иоганн Альбрехт – всего лишь мелкий германский князь, каких в империи пруд пруди. Разумеется, он оказал немалые услуги вашему царственному отцу, но никто не мог ожидать, что награда окажется столь велика. Однако с той поры ситуация очень изменилась. После смерти моих несчастных племянников мой сын унаследовал их земли, и теперь вы герцогиня не в маленьком и бедном Стрелице, а в больших и богатых Шверине и Гюстрове...

– Я не бесприданница... – попробовала возразить Катарина.

– ...более того, Иоганн Альбрехт был выбран на престол хоть и далекой, но обширной страны, – продолжала Клара Мария ледяным тоном. – Так что ваш долг, сударыня, быть рядом с мужем! И я не вижу ни одного обстоятельства, которое могло бы вас извинить.

– Боюсь, ваши упреки несправедливы, матушка. Мой муж сам покинул меня, отправившись на войну, с которой так и не вернулся.

– Какой вздор! На эту войну его отправил ваш брат, король Густав Адольф.

– Да, он считал, что таланты вашего сына помогут получить этот престол моему несчастному брату, однако никто не ожидал, что Иоганн Альбрехт сам усядется на московский трон.

– Уж не хотите ли вы сказать, что в смерти Карла Филиппа виноват мой сын?

– Нет, конечно, но...

– Тогда к чему вы мне рассказали все это? Повторяю, обстоятельства изменились, и теперь вам следует побеспокоиться, чтобы столь удачно занятый трон достался со временем вашему сыну.

– Но от меня требуют отречься от веры отцов...

– Насколько я знаю, дорогая моя, от вас пока никто ничего не требовал. Вам всего лишь сказали, что такая необходимость может возникнуть. Если бы вы сами отправились в Москву, то, вполне возможно, вам удалось бы сохранить свое вероисповедание, раз уж оно столь дорого вашему королевскому высочеству.

– Но мой сын...

– Ваш сын – наследник престола и должен быть рядом с отцом! Изучать своих будущих подданных и приучать их к мысли, что именно он их будущий господин! Искусство правителя совсем не так просто, как кажется на первый взгляд.

– Вы, конечно, правы, матушка. Но дело в том, что мой сын еще и наследник шведского престола, по крайней мере, пока у моего брата нет детей.

– Вот как?

– Да, об этом не объявляли открыто, но завещание составлено, и именно поэтому Карл Густав получил титул герцога Вестгетландского.

– Вот уж не слышала, что род Ваза пресекся!

– Мой брат не желает, чтобы трон мог достаться католикам, если с ним что-то приключится.

– Если бы ваш брат меньше занимался всяким вздором, то у него давно был бы свой наследник. Ведь он ровесник моего сына!

– Риксдаг никогда не согласится на его брак с Эббой Браге, а сам он не желает никакой другой жены.

– Я была лучшего мнения о вашем брате. Немецкие княжества просто переполнены потенциальными невестами. Это самый ходовой товар в империи. Так что ваш брат вполне может жениться, дать стране наследника, а уж затем сколько угодно любить эту самую Браге или еще кого.

– Я смотрю, вас совершенно не смущает мужская распущенность, – поджала губы Катарина.

– Если ваше королевское высочество говорит о моем сыне, то вы понятия не имеете, что такое распущенность! Вот его отец – тот действительно был распущенным, а мой Иоганн – просто ангел на его фоне.

– А плод его греха вы приблизили в качестве доказательства его нравственности? И теперь привезли, чтобы больнее уколоть меня!

– Когда родилась эта девочка, вы еще не были даже помолвлены. Да, я питаю слабость к этому ребенку и принимаю участие в ее жизни, тем более что другие внуки не слишком часто навещают меня.

– Простите, матушка, но мне так тяжело видеть ее... А тут еще эта Агнесса Магдалена...

– Дочери и сестре короля недостойно прислушиваться к сплетням! А сомневаться в законном рождении моего племянника – низко! Да, мой сын гостил у бедняги Георга, перед тем как с ним случилось несчастье, однако сразу после похорон покинул Дарлов и более никогда туда не возвращался. Так что

ваши подозрения абсолютно беспочвенны.

– Может быть, может быть... однако я со страхом думаю, как мой муж ведет себя в Московии...

– И чем дольше вы туда не едете, тем больше у вас будет оснований для беспокойства, дорогая моя! Так что бросьте глупые мысли и как можно скорее поезжайте к своим новым подданным.

– Я боюсь.

– Что?..

– Я боюсь за своего сына. Мне предсказали, что мой сын умрет так же, как несчастный Карл Филипп, если ступит на палубу корабля до совершеннолетия!

– Но Швеция за морем...

– Ни я, ни мой сын ни разу не были в Швеции со времени этого ужасного предсказания.

– Вы меня с ума сведете! Как можно верить в такой вздор?

– Я боюсь.

– Вы не того боитесь! Вам надо бояться, что мой сын устанет ждать ваше королевское высочество и разведется.

– Как это возможно? – возмутилась Катарина. – Я дочь и сестра короля!

– Как раз с дочерьми сильных мира сего такое происходит гораздо чаще, нежели с простыми смертными.

– Но церковь никогда не даст согласия на развод!

– Шведская – может быть, однако ответьте мне на один вопрос: зачем русскому царю согласие шведской церкви?

– Вы полагаете это возможным?

– Говоря по совести, я никак не могу понять, почему мой сын не сделал этого до сих пор. Ваш отказ приехать в Москву дает ему превосходный повод. Даже не знаю – может, он до сих пор питает к вам чувства?..

Легший прикорнуть после обеда герцог Август встал в чудесном расположении духа. Быстро приведя себя в порядок, он зашел к жене и застал ее диктующей письма своей камеристке.

– Вы все в трудах! – воскликнул он, обращаясь не то к жене, не то к усердно скрипевшей пером Марте. – Это очень кстати, надо написать в Ганновер Юлию Эрнсту по поводу Гедвиги...

– Я уже все сделала, мой дорогой, – скупой улыбнулась Клара Мария.

– Чудесно; и что же ты написала?

– Что ему следует поискать другую партию для нашей кузины.

Шурка в панике вскочила и едва не грохнулась с кровати. Некоторое время она испуганно озиралась, но затем вспомнила, где находится, и с облегчением вздохнула. Это всего лишь сон! Правда, очень реальный и невероятно красочный, но все же только сон. В изнеможении она опустилась на постель и вдруг поняла, что та – мокрая. Блин, только этого не хватало! Она что, как маленькая... и вдруг мозг пронзила ужасная догадка. «Воды отошли!» – сообразила она и, снова запаниковав, вскочила. «Что делать? Кого звать на помощь?» Сестра и ее муж давно спали, а больше в доме никого не было. «Телефон!» – мелькнула спасительная мысль, и девушка принялась лихорадочно искать свою старенькую «Нокию».

– Алло, «скорая»... я рожая... что, адрес? Погодите, кажется, да, точно, Яхонтовая... это рядом с Сургутской... да-да, у черта на куличках! Нет, самой добраться не на чем! И быстрее – у меня воды отошли!

Тут невероятно скрутило низ живота, и Александра, уже никого не стесняясь, взвыла, переполошив весь дом. «Скорая» прибыла почти через час, когда роженица уже готова была лезть на стену от страха. Ошарашенный от произошедшего Алексей помог ей добраться до машины, а Алена подала пакет, в который наскоро побросала необходимые вещи.

– Я с тобой! – крикнула сестра и хотела было залезть в машину, но ее остановил фельдшер.

– Вы что, с ума сошли? – немного грубовато заявил он. – От вас фонит, как от пивного ларька! Протрезвеете, тогда и навестите, а сейчас не мешайте.

– Ты чего? – попробовала урезонить его напарница. – Обычное же дело...

– Не видишь, что происходит? – оборвал он ее. – Тут эту бы довезти без приключений, не хватало еще вторую откачивать.

Мигнув на прощание люстрой на крыше, «скорая» двинулась вперед, колыхаясь на кочках. Асфальт в этом микрорайоне еще не положили и дороги были отсыпаны строительным мусором, благо в последнем не было недостатка после застройки. В результате получилась немного сюрреалистичная картина из довольно пафосных особняков, путь к которым покрывали куски битого кирпича, бетона, штукатурки и прочего хлама. Ездить по этим, с позволения сказать, путям сообщения было тем еще удовольствием. Даже маршрутки и такси ходили только до шоссе, а дальше местные добирались самостоятельно. Кроме тех «несчастливцев», у которых были свои автомобили, и они, вцепившись в руль, осторожно тащились по ухабам.

После случившегося спать, разумеется, не было ни малейшей возможности, поэтому Алена с Алексеем быстро собрались и вызвали такси. Пока они шли к шоссе, машина уже прибыла и стояла у обочины, мигая аварийкой.

– Куда едем? – осклабился водитель, выразительно глянув на включенный счетчик.

– Блин, а куда Шурку повезли? – спохватился Лешка и с недоумением посмотрел на жену.

– Ты что, не спросил? – изумилась та.

– Нет!

– Ну как же это... – почти заплакала Алена, – давайте, что ли, в Первую.

Таксист в ответ лишь пожал плечами и, газанув, рванул свою «ласточку» в поток. Увы, в Первой горбольнице, рожениц с такой фамилией не поступало. Нужно было искать дальше, но непонятно в каком направлении двигаться. Выручил, как ни странно, дождавшийся их водителя. Поняв по потерянным лицам, что пассажиры не нашли родственницу, он покачал головой и глубокомысленно сказал:

– Если случай тяжелый, то вам в Перинатальный центр надо. Проблемных всех туда доставляют!

– Ты раньше сказать не мог? – поинтересовался Алексей.

– Мое дело маленькое, – пожал тот плечами, – куда сказано, туда и везу!

До Перинатального центра они добрались уже под утро. Шурку действительно привезли сюда, но как обстоят дела, долго никто ничего не говорил. Наконец, к ним вышел врач и вопросительно взглянул.

– Вы родственники?

– Да, я сестра.

– Понятно... что же, у меня для вас не слишком хорошие известия.

– Что случилось?

– В общем, роды были тяжелые... ребенок родился слабым и сейчас помещен в бокс...

– Что с Сашей?

– Примите мои соболезнования, – покачал головой акушер. – Мы сделали все, что могли.

Ноги Алены от услышанного подкосились, и она без стога опустилась на руки мужа. Переполошившийся врач позвал дежурную медсестру, и та принялась хлопотать над упавшей в обморок женщиной. Впрочем, нашатырь быстро привел ее в чувство.

– С вами все в порядке? – с тревогой в голосе спросил врач.

– Со мной – да, – горько ответила та. – Скажите, доктор... она что-нибудь сказала?

– Ивана какого-то звала, – глухо отозвался акушер. – Это, вероятно, отец ребенка?

– Да.

– А где он?

– Погиб. Девять месяцев назад.

– Дела... ну что же, примите еще раз мои соболезнования. Извините, но мне надо идти.

Боль была настолько всеобъемлющей, что, казалось, заполнила ее всю до краев и не оставила места ни для какого иного чувства. Сил не было уже даже кричать, и Шурка мысленно взмолилась с просьбой о помощи. Она и сама бы затруднилась сказать, к кому именно обращена ее молитва, к Богу, к вселенскому разуму или еще кому, но, как бы то ни было, эта мольба была услышана и боль постепенно ушла. «Что ты хочешь?» – раздался в голове чей-то

невообразимо прекрасный голос.

– Где мой ребенок? – встревоженно спросила она.

– С ним все будет хорошо! – отвечал ей тот же голос и повторил свой вопрос: – Чего ты хочешь?

– Раз так, то ничего.

– Ты уверена?

– Я что, могу попросить все, что захочу?

– В разумных пределах.

– Я хочу увидеть его!

– Ребенка?!

– Нет, я о другом.

– Понятно. Что же, это можно устроить.

– Как, ведь он же умер?

– Ты сделала свой выбор.

В этот момент боль вернулась, но на сей раз она была куда меньше. По крайней мере, она теперь могла плакать, и слезы градом полились из ее глаз. Рядом кто-то суеился, что-то говорил на непонятном языке. Чья-то мягкая и невероятно ласковая рука гладила ее по голове, и она вдруг отчетливо поняла, что это мама. Жалобно всхлипнув, Шурка потянулась к ней, и из горла вырвалось тоненькое:

– Мутти![1 - Mutti – мамочка (нем.).]

То, что она сказала это слово по-немецки, так удивило девушку, что она широко распахнула глаза и в панике уставилась на сидящую рядом с ее постелью женщину. Та была довольно странно одета, но самое главное, что глаза Александры прекрасно видели, что она не ее мать, но сердце буквально задышалось от нежности. «Мама!»

– Мутти, – прошептала она и, счастливо улыбнувшись, впала в забытие.

– Вашей дочери явно лучше, фройляйн Марта, – удивленно сказал доктор, присланный госпожой герцогиней. – Пожалуй, я поторопился, говоря, что необходимо звать пастора.

– Благодарю вас, герр Штольц, – устало отозвалась женщина. – Но почему она опять лишилась чувств?

– О, это не обморок, фройляйн, просто ваша дочь уснула. Ей нужно набираться сил, да и вам тоже. Попробуйте отдохнуть. Госпожа герцогиня прислала служанку, она последит за девочкой.

– Нет, я не смогу оставить ее даже на минуту.

– Воля ваша, – пожал плечами врач и, взяв в руки свой саквояж, вышел.

Вообще-то герр Штольц не слишком жаловал Марту Рашке и ее дочь. Да и с какой стати ему питать почтение к этой девке, пусть и прижившей ребенка от мекленбургского герцога. Мало ли таких бастардов по всей империи? Правда, бабушка маленькой Марии Агнессы Констанции – так в свое время окрестили девочку – питала необъяснимую слабость к своей внучке, и потому приходилось держать свое мнение при себе.

Впрочем, госпожа герцогиня сильно сдала в последнее время, и когда милосердный Господь приберет ее, все переменится. Герцог вряд ли станет держать при себе незаконнорожденную дочь своего беспутного пасынка, как и ее мамашу. Вот пусть и убираются на все четыре стороны, хоть к родителям в Кляйнештадт, хоть в далекую Московию, где ее дикие жители имели безрассудство выбрать мекленбургского герцога своим царем. Хотя... что от них ждать? Какие подданные, такой и сюзерен!

Проснувшись, Шурка снова увидела рядом с собой эту женщину. Сраженная усталостью, та сидя спала у ее изголовья, прислонившись к высокой резной спинке кровати. Вообще, постель заслуживала отдельного описания. Перина и подушка были наполнены мягчайшим пухом и выгодно отличались от привычных девушке мешков с синтетической ватой, а вот простыню было довольно трудно назвать белоснежной. Скорее она была серо-белой, но это был именно цвет, а не грязь. К тому же материал ее был довольно груб. Рубашка тоже не была шелковой, хотя шелковых Саша никогда не носила. Большую часть сознательной жизни пижамой ей служили трусы и майка, но, видимо, в больнице ее переодели в рубашку из грубого полотна. Интересно, что же это за больница такая? С трудом подняв руку, девушка посмотрела на нее и поразилась худобе.

«Сколько же я тут валяюсь? – растерянно подумала она, и вдруг в голову молнией влетела мысль: – Где мой ребенок?»

– Где мой ребенок? – повторила она тонким голосом и, с трудом откинув тяжелое лоскутное одеяло, вскочила на пол.

– Доченька, что с тобой? – переполошилась мигом проснувшаяся женщина и попыталась остановить Шурку.

Не тут-то было, девушка бросилась бежать, оглашая пространство дикими криками. Откуда-то появившиеся люди бросились за ней, и скоро беглянка была схвачена и принесена на свою постель. Самое странное, что все окружающие ее, включая сидевшую у изголовья женщину, были великанами по сравнению с Шуркой. Во всяком случае, большинству из них она доставала едва ли до пояса. Кроме того, они были донельзя странно одеты, в какие-то длинные платья, поверх которых были не менее длинные передники, а на головах уродливые чепцы. Но хуже всего было то, что все они говорили на немецком, и это последнее обстоятельство так поразило Александру, что она замолчала.

– Что с тобой, дитя мое? – чуть не плача спросила женщина, которую все называли фройляйн Марта.

– Где мой ребенок? – робко спросила Шурка, чувствуя, что сходит с ума.

– Какой еще ребенок, девочка моя? Тебе ведь всего восьмой год от роду!

Слова эти как громом поразили девушку, и она в испуге схватила себя за грудь, но тут же ее отдернула. Во время беременности ее довольно-таки символические до той поры груди заметно выросли и были по меньшей мере второго размера. Во всяком случае, лифчик пришлось покупать, и теперь ее вряд ли кто-нибудь мог перепутать с парнем. А теперь под рубашкой из грубого полотна было только худенькое тело с выпирающими ребрами и ни малейших признаков молочных желез. В панике она схватилась за голову, и тут же последовало новое потрясение. У нее были довольно длинные волосы, прикрытые к тому же каким-то нелепым чепчиком с кружевами. «Я сошла с ума!» – мелькнула в голове мысль. «Или нет, меня обкололи обезболивающими или успокоительными, и это глюки!»

– Что с тобой, Мария?

«Точно глюк», – подумала Шурка, но вслух неожиданно для самой себя сказала совсем другое:

– Простите, мне приснился страшный сон, и я... очень хочу есть!

Окружавшие ее женщины переглянулись с таким ошарашенным видом, будто она попросила звезду с неба, но через минуту ей подали чашку крепчайшего куриного бульона, распространявшего вокруг себя просто восхитительный аромат. Он, к сожалению, быстро кончился, но Саша была уверена, что никогда в жизни не ела ничего вкуснее!

Примерно через неделю, когда девочке стало лучше, герцогиня Клара Мария Померанская и Вольфенбюттельская пожелала ее увидеть. Шурку переодели в новую рубашку и длинное платье. На худые ножки натянули толстые вязаные чулки, а на голову нахлобучили ненавистный чепец. Зеркала в том крыле дома, где они жили, не водилось, так что оценить свой внешний вид Шурка не могла, но все вокруг уверяли ее, что она выглядит как ангелочек. «Померла, что ли?» – хмыкнула та про себя, но озвучивать не стала. Проблем в ее жизни хватало и без этого. Как ни дико это было осознавать, но Александра поняла, что попала в чужое для нее детское тело, причем живет это тело в далеком прошлом, а насколько далеко – понять она пока не могла. Женщина, сидевшая у ее изголовья, действительно была матерью девочки, то есть теперь Шурки. Причем, когда Марта оказывалась рядом с ней, сердце ее начинало ускоренно биться, накатывал прилив нежности, и хотелось прижаться к ней, как будто она и впрямь была ее мамой. Похоже, что мать с дочерью были очень близки, и чувство

это передалось новой владелице тела по наследству.

Увидев герцогиню, Саша неожиданно вспомнила, где видела ее раньше. Это была та самая пожилая женщина из ее снов. Это она встречалась с померанским герцогом, беседовала со шведской принцессой и княгиней Дарловской. А еще это она сказала Марте, что любит всех своих внуков!

– Подойди ко мне, дитя мое, – велела ей Клара Мария.

Марта подтолкнула ее вперед, и девочка, сделав несколько шагов, присела в книксене. Надо сказать, что получилось это весьма изящно, как видно, учили ее этикету всерьез.

– Ты очень напугала нас, – продолжила герцогиня. – Я слышала, у тебя было нехорошо с памятью, и ты не узнавала многих знакомых тебе людей? Скажи мне, дитя, ты помнишь меня?

– Вы моя бабушка? – несмело спросила Шурка, и этот ответ заставил ахнуть всех присутствующих, а прежде всего – мать.

– Верно, – ничуть не смутилась пожилая женщина, и губы ее тронула слабая улыбка. – Я действительно твоя бабушка и потому очень рада, что тебе уже лучше. А кто это такой, ты помнишь?

С этими словами герцогиня поманила девочку к себе и показала ей небольшую миниатюру с портретом. Взглянув на него, Шурка равнодушно покачала головой. Изображенный на ней молодой человек был ей совсем не знаком, да и вообще выглядел на ее вкус слишком помпезно. Длинные волосы, роскошные кружева, дорогое платье, и лишь висящая на боку шпага указывала на его принадлежность к мужскому полу.

– Нет, бабушка, – помотала она головой.

– Ничего удивительного, – не стала огорчаться Клара Мария. – Ты ведь его никогда не видела. Это мой сын, Иоганн Альбрехт, в ту пору, когда он был еще принцем. Это твой отец, дитя!

Окружающие еще раз ахнули, но уже значительно тише. Все-таки герцогиня имеет право на некоторую экстравагантность, и если ей захотелось приблизить незаконнорожденную внучку, то кто, скажите на милость, может ей помешать? Нет, разумеется, у нее есть муж, но всякому известно, что герцог Август высоко ценит мудрость своей супруги и почти никогда ей не перечит.

– Что-то я устала, – вздохнула Клара Мария и обернулась к Марте. – Вы можете идти с дочерью.

– Да, ваше высочество, – сделала та книксен и, взяв дочь за руку, удалилась.

Шурка шла рядом с матерью и искоса поглядывала на нее. То, что она не принцесса, было очевидно. Нет ни короны, ни свиты, ни роскошного наряда. А если ее отец – принц, это означает только одно. Они не женаты. Стало быть, папаша охмурил в свое время бедную девушку и бросил ее, обрюхатив. Слава богу, хоть бабушка не бросила бедняжку на произвол судьбы и взяла к себе. Хорош, нечего сказать. Нет, все-таки все мужики козлы! А ведь Марта очень красивая женщина и еще совсем молодая. Где-то двадцать два, может двадцать три, не больше. Шагает легко, в осанке чувствуется прирожденная грация, а еще у нее очень милая улыбка. «Все-таки моя мама самая красивая!» – неожиданно для самой себя подумала Александра. Похоже, она стала привыкать к новой жизни и новой семье. Только иногда по ночам ей слышался плач новорожденного ребенка, и тогда она закутывалась с головой в одеяло, не в силах его слушать. Но это случалось все реже, и Шурка все больше чувствовала себя беззаботной маленькой девочкой. Здоровье быстро поправлялось, и ей хотелось бегать, прыгать и играть с подружками.

С последними было не очень хорошо. У придворных и слуг было довольно много детей, в том числе и подходящих для внучки герцогини по возрасту. Но первые запрещали своим отпрыскам водиться с незаконнорожденной, а для вторых она была почти госпожой. Хотя маленькая Мария была девочкой общительной и доброй и потому ее многие любили, но Шурка никого из прежних друзей не помнила, и ей пришлось знакомиться заново. Случилось это, как только здоровье ее улучшилось, и Марта отпустила ее погулять.

– Здравствуйте, – приветливо сказала она первым встреченным ею девочкам, игравшим с куклами.

– Здравствуй, – отозвалась крайняя из них и подозрительно посмотрела на пустые руки Шурки. – Ты что это не взяла свою Эльзу?

– Кого не взяла? – удивилась та.

– Куклу, конечно, – возмутилась подобной бестолковости девочка. – Если ты рассчитываешь, что я дам поиграть тебе со своей, то будь уверена – ничего у тебя не получится!

Услышав эту отповедь, Александра сильно удивилась. С ее точки зрения, ничего похожего на куклу в ее вещах не было. Разве что странный, грубо оструганный чурбачок, завернутый в какое-то подобие платья, сшитого из разноцветных лоскутов. Честно сказать, она и в своем детстве не слишком любила играть в куклы, предпочитая бегать с мальчишками, а теперь ей и – вовсе такое времяпрепровождение казалось глупым.

– Здравствуй, Мария Агнесса, – вышла вперед другая девочка. – Не слушай Хильду, ты ведь знаешь, какая она задавака! Лучше иди к нам и расскажи, отчего ты так долго не появлялась? Ты разве не помнишь меня? Я Гретхен!

– Я болела, – пожала плечами Шурка.

– Да, нам говорили, что ты не здорова.

– И даже говорили, что ты вот-вот умрешь! – добавила Хильда с ехидной улыбкой.

– Не дожدهшься!

– Больно надо мне ждать этого. Даже если ты не умрешь – все равно останешься приبلудной!

Очевидно, прежняя Мария стерпела бы подобное оскорбление, но у Шурки на этот счет было свое мнение, и она, недолго думая, шагнула вперед и вlepила обиднице звонкую пощечину. Сил у восьмилетней пигалицы было немного, и ничего страшного с той не случилось бы, но сам факт того, что дочка Марты стала драться, поразил остальных девочек как гром среди ясного неба. Хильда

убежала, размазывая по щекам слезы, потенциальные подружки смотрели с опаской, и даже в глазах Гретхен сквозило неодобрение подобного поступка. В общем, отношения со сверстницами не сложились.

С ребятами тоже все было не просто. Того возраста, когда начинают интересоваться противоположным полом, они еще не достигли и принимать в свою компанию не спешили.

– Что тебе нужно? – настороженно спросил рослый мальчишка, которого все звали Руфус.

– Ничего, – пожала плечами Шурка. – Я просто гуляю.

– С чего это ты вдруг стала гулять здесь?

Два наезда подряд было существенно больше, чем она обычно могла оставить безнаказанно, и девочка ошетибилась.

– Тебе-то какое дело, это что – твой сад?

– Нет, это сад его высочества, господина герцога, – вышел вперед другой мальчик. – Просто обычно мы здесь играем, а вам сюда нельзя!

– Это кто так решил?

– Никто, просто так уж заведено, – растерялся тот.

– Мне все равно, что и как тут у вас заведено. Я буду ходить там, где захочу, и ни у кого не собираюсь спрашивать позволения!

Услышав такое безапелляционное заявление, молодые люди насупились. Если бы это сказал кто-то другой, его участь была бы решена, но Мария Агнесса была воспитанницей герцогини, и попытка вздуть ее запросто могла кончиться розгами. Не говоря уж о том, что мальчишкам не полагается драться с девочками. Неизвестно, чем бы закончилось это дело, но совсем рядом раздался голос Марты, зовущей дочь.

– Мария, немедленно иди сюда! – приказала она, заведя девочку.

Пацаны немедленно скрылись в кустах, оставив ее одну разбираться с родительницей.

– Да, матушка, – отозвалась Шурка.

– Что с тобой происходит? – встревоженно спросила камеристка герцогини. – Скажи на милость, за что ты побила Хильду?

– Она знает, за что, – буркнула та в ответ.

– Ее мать теперь пожалуется господину управляющему, и у нас будут неприятности.

– Ну и пусть!

– Не говори так, девочка моя. Конечно, герр Кнорре не прогонит нас из замка, но у него есть масса возможностей испортить нам жизнь.

– Разве я не внучка госпожи герцогини? Если так, то какое нам дело до ее управляющего!

– Не все так просто, малышка. Да, ее высочество покровительствует нам, но она уже не молода. К тому же у нее слабое здоровье, не нужно огорчать ее по пустякам. Обещай мне, что не станешь ей жаловаться.

– А сколько ей лет? – неожиданно спросила Шурка.

Марта на секунду задумалась, покачивая головой, грустно сказала:

– Уже сорок три.

– Всего-то!

– Это совсем немало для женщины, даже если она герцогиня. Болезни не смотрят, кто знатен, а кто нет, да и частые роды иссушают тело не хуже тяжкого труда.

– Она много рожала?

– Ты все забыла, – сокрушенно покачала головой Марта. – Да, у нее было много детей, но все умерли в младенчестве. Все, кроме одного.

– Моего отца?

– Да, герцог Иоганн Альбрехт твой отец. Но тебе не следует часто упоминать об этом.

– Потому что я приبلудная?

– Кто тебе это сказал? – взгляд матери на мгновение стал жестким.

– Никто!

– Теперь понятно, за что получила Хильда. Что же, я понимаю, почему ты так сделала, но все же впредь попытайся держать себя в руках. Все же ты дочь русского царя!

– Чья я дочь? – едва не задохнулась от удивления Шурка. – Какого еще царя?!

– Похоже, мы рано отпустили тебя гулять, – поджала губы Марта. – Есть вещи, которые следует помнить, несмотря ни на что!

Договорив это, она взяла девочку за руку и решительно увлекла за собой. Прятавшиеся в кустах мальчишки переглянулись, и Руфус недоуменно спросил приятеля:

– Что-то я не понял, Гюнтер, неужто эта пигалица решилась вздуть Хильду?

– И правильно сделала, – шмыгнув носом, отозвался тот. – Так и следует этой ябеде и доносчице!

– Верно, – кивнул головой здоровяк. – Похоже, что Мария – боевая девчонка!

– И очень красивая, – мечтательно вздохнул мальчик.

– Что бы ты в этом понимал, сопляк! – усмехнулся Руфус и дал приятелю подзатыльник.

Обычно с ним никто не решался спорить, но на сей раз нашла коса на камень. Гюнтер отскочил в сторону и, приняв горделивый вид, потребовал:

– Герр рыцарь, извольте немедленно признать, что Мария Агнесса Рашке самая красивая дама на свете, или примите мой вызов на смертный бой!

– Ты еще не рыцарь, а она не твоя дама сердца, – скептически посмотрел на него товарищ. – Но уж коли ты решил подраться, то я к твоим услугам!

Едва Шурка, точнее ее новое тело, немного окрепла, у нее немедленно начались, или скорее продолжились, занятия. Такой подлости от судьбы-злодейки она никак не ожидала, но делать было нечего. Высокородная бабушка желала своей внучке всяческого добра, а потому велела учить ее так, будто она была самой настоящей принцессой. Надо сказать, что набор знаний, необходимых для столь высокого звания, был просто огромен. Принадлежащая к аристократическому роду девица должна была в совершенстве знать: закон Божий, латынь, разбираться в геральдике и помнить поименно всех представителей царствующих родов в Европе, а их было просто огромное количество. Более того, через папашу-герцога девочка, в теле которой она оказалась, была с большинством из них в родстве. Судите сами: шведский, датский, польский и британский королевские дома. Померанский, брауншвейгский, бранденбургский – герцогские. И это только более-менее близкие родственники, а ведь были еще и дальние! Но оставался еще один необъяснимый для Александры вопрос – каким образом ее теперешний отец ухитрился стать русским царем?

История никогда не была ее любимым предметом, но все же некоторое представление она о ней имела. И затвержденные еще в школе знания прямо и недвусмысленно свидетельствовали, что в Москве сейчас должен сидеть первый царь из династии Романовых. Кажется, его звали Михаилом.

Увы, как это случилось, для большинства ее учителей было абсолютной загадкой. То есть они знали, что сын герцогини Клары Марии, принц Иоганн Альбрехт Мекленбург-Стрелицкий был вынужден бежать из родного дома, преследуемый своими двоюродными братьями. (Во семейка!)

Поскитавшись по Европе, опальный молодой человек добрался до Швеции и сумел там понравиться покойному королю Карлу. Причем настолько, что тот выдал замуж за него свою дочь, несмотря на то, что последняя была на десять лет его старше! Папаша с радостью ухватился за это предложение и немедленно забыл про Марту с ребенком. (Козел!) Получив поддержку тестя, принц вернулся с войском домой и быстро вправил мозги своим кузенам, после чего те внезапно умерли. Никто, конечно же, прямо не обвинил сына госпожи герцогини в этом преступлении, но из контекста повествования это следовало – совершенно ясно. (Отморозок!) В результате этой трагедии принц-изгнанник превратился в полновластного герцога с приставкой «Великий», которой у его предков никогда не было.

После чего шведы, убедившись, какой ценный кадр прибило волной к их берегу, не нашли ничего лучшего, как отправить его в Россию, с тем чтобы посадить на Московский престол младшего сына короля – принца Карла Филиппа. Самое удивительное, что его миссия увенчалась полным успехом, и ушлый папенька почти уговорил бородатых русских бояр на эту авантюру. Но тут, к несчастью (хотя это для кого как), малолетний шведский принц простудился и умер, а на его место уселся муж старшей сестры. То есть великий герцог Иоганн Альбрехт или, как стали называть его новые подданные, Иоанн Федорович! (Дурдом!)

Спрашивается, куда смотрели Минин с Пожарским? Если они вообще в этом варианте истории были!

Ситуацию, наверное, мог бы прояснить русский посол – думный дьяк Бестужев-Рюмин, приезжавший к бабушке-герцогине с подарками от непутевого сыночка, но он уехал еще до того, как маленькая Мария Агнесса заболела и в ее тушке появилась Шурка. Кстати, на подарки папаша не поскупился, и теперь зимой весь двор герцогини щеголяет в роскошных мехах. Не забыл и про алименты для

брошенной Марты с дочкой. На их долю тоже достались соболя, лисы и бобры. Правда, маменька, не будь душой, большую часть их тут же продала, а денежки припрятала на черный день.

Ну да ладно, что-то она отвлеклась. Помимо вышеперечисленных наук, Марию немного обучали письму и счету, но самое главное – этикету! Раньше Шурка и представить себе не могла, что есть столько видов разных поклонов и реверансов! Для низших – можно просто наклонить голову в знак приветствия. Для равных слегка присесть, взявшись кончиками пальцев за платье, а для высших... Вообще-то для незаконнорожденной дочери – все высшие! Но приветствуя герцогов или маркграфов, полагается делать один поклон, королей – другой, а если, паче чаяния, придется столкнуться с императором Священной Римской империи, то надо вообще раскорячиться так, что жить потом не захочется. (Кстати, откуда взялась Римская империя?)

А еще танцы. Так уж сложилось, что в свое время ей не приходилось танцевать даже вальс или польку-бабочку. А вот тут за нее взялись всерьез! Впрочем, вальса еще не изобрели, но была куча других со странными названиями: аллеманда, сарабанда, павана... заключались они по большей части в том, что дамы и кавалеры должны были чинно ходить вокруг друг дружки и кланяться. Для Шурки, верхом хореографического искусства которой было подрыгаться под ритмичную музыку после пары банок пива, это было пыткой! А ведь за нее еще по малолетству толком и не брались. Это ей учитель танцев – итальянец из Вероны – сразу объяснил, снисходительно улыбаясь при этом.

– Вам, синьорита, еще только предстоит освоить азы высокого искусства Терпсихоры[2 - Терпсихора – муза, покровительница танцев и хорового пения.], которому я имею честь служить.

– Скука смертная эти ваши сарабанды с паванами, – пробурчала в ответ девочка.

– Если синьорите будет угодно, я научу ее гальярде. Это очень веселый и энергичный танец. Но случится это не прежде, чем вы проявите усердие в более простых упражнениях!

В процессе обучения выявилась интересная особенность. Некоторые науки, скажем – латынь, в изучении которой маленькая Мария Агнесса продвинулась достаточно далеко, давались ей сравнительно легко. То есть учитель

принимался объяснять, и Александра быстро вспоминала, что ей преподавали прежде. С немецкой грамматикой проблем также не возникло.

Про счет и говорить нечего, имея в средней школе слабую четверку, здесь она оказалась едва ли не более сведущей, нежели ее преподаватель. Слава богу, хватило ума не демонстрировать ему всю глубину своих знаний. Также кое-как удалось восстановить память по венценосной родне, но вот закон Божий, этикет и танцы являли собой столь вопиющий пробел, что у учителей руки опускались. Как кланяться, в какую позицию становиться и кому и в каком случае молиться, вспомнить решительно не удавалось. Тело девочки деревенело, способность соображать начисто утрачивалась, а речь становилась настолько косноязычной, что даже выдавшие виды преподаватели разводили руками. Кстати, телесные наказания не только применялись, но и считались обязательными. Получить за нерадивость указкой по пальцам – было делом само собой разумеющимся. Розог пока еще в ход не пускали, но весьма внушительная связка, стоящая в расколе, красноречиво намекала, что терпение местных предтеч Песталоцци не беспредельно!

Единственной поблажкой прекрасному полу было то, что пороть их полагалось через рубашку. А вот, к примеру, мальчишек, ходивших учиться к местному пастору, охаживали по голым задницам без малейшего сострадания. И жалобные крики наказанных разносились по гулким коридорам, прилегающим к церкви.

Иногда, устав от занятий, она сбегала и пряталась от надоевших учителей то в саду, то в каком-нибудь отдаленном уголке замка. Еще она любила наблюдать за учениями солдат местного гарнизона. В Брауншвейге не было большой армии, лишь небольшой наемный регимент личной стражи герцога охранял его от возможных неприятностей. Тем не менее учили солдат на совесть. Трижды в неделю у них были занятия, во время которых они маршировали, рубили алебардами чучела или обучались владению пиками. Офицеры и состоявшие на службе герцога молодые дворяне тренировались отдельно, оттачивая мастерство владения шпагой.

Особенно ей нравилось наблюдать за учебными поединками двух молодых дворян, всегда проходившими отдельно от прочих, в одной из дальних галерей. Шурка случайно наткнулась на них и с тех пор старалась не пропускать их занятий. Одним из них был мсье Бопре, безуспешно учивший ее французскому языку, а лицо второго всегда скрывала фехтовальная маска.

Было заметно, что беглый гугенот куда искуснее владеет клинком, нежели его соперник, однако и тот иной раз заставлял своего визави попотеть. Легкие шпаги мелькали в их руках как молнии, и внимательно наблюдавшей за ними девочке казалось, что это умение было бы куда полезнее для нее, чем все эти танцы, поклоны и прочие глупости. Однажды она потеряла бдительность, и ее заметили.

Галантный француз изобразил в сторону Шурки легкий поклон и с улыбкой указал на нее своему товарищу. Тот обернулся и на мгновение застыл в нерешительности. Затем сбросил маску, и девочка с удивлением узнала свою мать.

– Что ты здесь делаешь, Мария? – строго спросила она, пытаясь одновременно выровнять дыхание.

– Очевидно, учит псалмы, – не удержался от остроты учитель французского. – Я слышал, как здешний кюре неодобрительно отзывался о стараниях мадемуазель.

Прогульщице ничего не оставалось, как повиниться во всех грехах и смиренно просить прощения. Матушка, судя по всему, не имела ни малейшей склонности спустить подобную леность, но неожиданно за свою ученицу вступился мсье Бопре.

– Простите мою вольность, мадемуазель, но вы, право же, чрезмерно строги к своей девочке. Она и без того образованна куда лучше большинства своих сверстниц, а если и не преуспевает в какой-либо науке, то лишь по малолетству.

– Боюсь, что не смогу согласиться с вашей снисходительностью, – возразила ему Марта.

– Но, скажите мне ради всего святого, зачем мадемуазель столько знаний в самых разных областях? Уж не хотите ли вы, в самом деле, вырастить из нее профессора для Сорбонны! Воля ваша, но умение танцевать или шить для хорошенькой девушки куда важнее, чем способность разбираться в теологических выкладках и тонкостях геральдики.

– Увы, мсье, с шитьем и танцами у нее тоже не все хорошо!

– Бог мой, да ей же всего девятый год, – засмеялся француз. – Вот увидите, через пять-семь лет она станет прелестнейшей из здешних девиц и у нее появится и необходимая грация, и легкость шага. Дайте только срок!

– Вы думаете?

– Я знаю, ведь предо мной ее мать!

Услышав эти слова, Шурка насторожилась. Похоже, что ее преподаватель распушил перышки и пытается сразить одну из своих учениц галантностью. Девочке на его комплименты было фиолетово, но вот Марта, похоже, не часто слышала их в последнее время. Лицо ее мило порозовело, на губах появилась улыбка, а на щеках ямочки. С одной стороны, ее можно понять. Папаша пропал еще до рождения маленькой Марии Агнессы, а при дворе его матери хочешь не хочешь, а будешь соблюдать нравственность. И то, что ей приятно мужское внимание, вполне естественно. Но ведь есть и другая сторона. Француз хоть и утверждает, что покинул родину из-за религиозных преследований, на самом деле тот еще прохиндей. Вон как глаза зыркают, всех служанок ими перетрахал, и не только, кстати, глазами! Денег у него нет и не предвидится, а жить любит на широкую ногу. Камзол штопанный, но с золотым шитьем. Нет, такой хоккей нам не нужен!

– Мамочка, а может, ты и меня научишь фехтованию? – заискивающе спросила девочка и посмотрела на мать умоляющими глазами.

– О, мадемуазель нужно еще подрасти! – развязно воскликнул Бопре, но младшая ученица его подчеркнуто проигнорировала.

– Хорошо, – кивнула мать. – Но только если ты будешь усердна и в других науках!

– Хорошо, мамочка, обещаю! – сложила губки бантиком Шурка.

К сожалению, у Марты не было возможности уделять дочке слишком много внимания. Обязанности камеристки отнимали большую часть ее времени, да к тому же она вела всю переписку своей госпожи. Хотя здоровье герцогини оставляло желать лучшего, разум ее был ясен и тверд. Она всегда была в курсе последних событий, а глубокий аналитический ум позволял ей многие из них предугадывать. Ее муж, герцог Август, знал это и относился к суждениям своей высокородной супруги с полным доверием.

В последнее время ее особенно привлекали события в Чехии. После того, как представители чешских сословий выкинули из окна Пражского града королевских чиновников, ситуация там все более накалялась. Император Матвей был уже совсем дряхл и предпочитал бездействовать, а его преемник Фердинанд пока еще не накопил достаточно сил для наступления на протестантов. С другой стороны, чешские протестанты тоже не горели желанием развязать межрелигиозную войну и надеялись решить все разногласия с Габсбургами в ходе переговоров. Мир, казавшийся таким незыблемым, висел на тоненькой ниточке, готовой оборваться в любую минуту.

В тот день герцогиня почувствовала себя лучше и захотела выйти в сад. Присев на свою любимую скамеечку, она с легкой грустью посмотрела на сопровождающую ее Марту и тихонько спросила:

– Трудно тебе, наверное, со мной?

– Вовсе нет, ваше высочество!

– Не лги мне. Это я разлучила вас с Иоганном, я увезла тебя подальше от него, я...

– Я не лгу... матушка.

– Ты раньше никогда не называла меня так.

– Я знаю свое место и никогда не претендовала на что-то иное. Но ведь именно вы приняли меня в своем доме и заменили мне родителей. Даже они не сделали бы для меня больше.

– Это самое малое, что я могла для тебя сделать. Однако время идет, я старею, и тебе необходимо подумать о будущем, ведь я скоро умру.

– Не говорите так.

– Не успокаивай меня, моя девочка. Смерть – такая же естественная вещь, как и рождение, и я готова уйти. Хочу лишь не оставлять незаконченных дел. Скажи мне, отчего ты не захотела больше выходить замуж?

– Зачем? Репутацию мне бы это не вернуло, а вот дочери могло повредить. Кроме того...

– Ты до сих пор его любишь?

– Что?!

– Бедная девочка, влюбившаяся в заезжего принца, да так и не сумевшая забыть это чувство.

– Не просто в принца...

– Вот как?

– Да, ваше высочество. Когда я узнала вашего сына получше, я полюбила его еще больше. О, он оказался совсем не тем блестящим аристократом, поразившим воображение неопытной девушки, какой была я. Нет, он оказался смелым, ловким и хитрым парнем!

– Хитрым?

– Да. Не было ситуации, которую бы он не смог повернуть в свою пользу, ловушки, из какой не нашел бы выход. Я думаю, если бы Иоганну Альбрехту это понадобилось, он сумел бы обвести вокруг пальца любого менялу, победить в диспуте профессора риторики и донага обобрать разбойника.

– Лестная характеристика, ничего не скажешь.

– Прошу прощения, но я говорю о том, что видела своими глазами. Он находил общий язык с аристократами, наемниками, уличными комедиантами...

– Даже так?

– Именно. И есть еще одна вещь, в которой я совершенно уверена.

– В какой же?

– Тот принц, в которого я влюбилась, забыл бы о своей любовнице и ее ребенке на другой день, но тот человек, с которым я сбежала из родного дома, никогда бы так не поступил.

Герцогиня с удивлением взглянула на свою камеристку, но затем кивнула, будто соглашаясь с ее словами. Затем, немного помолчав, спросила:

– Как чувствует себя моя внучка?

– С ней все хорошо, ваше высочество.

– Усердна ли она в науках?

– Ей не все одинаково дается, – дипломатично ответила мать. – Однако учителя хвалят ее.

– Вероятно, не все?

– Не все, – не стала записывать камеристка.

– Это не страшно, – скупой улыбнулась Клара Мария. – Девочка еще очень юна. Ей наверняка трудно придется в жизни, так пусть хоть сейчас немного побудет беззаботна.

– Почему вы так говорите? – насторожилась Марта.

– Ты прекрасно знаешь почему, моя милая. Даже принцессы иногда орошают свои подушки горькими слезами, а ведь им все достается по праву рождения.

– У моей дочери, вашей милостью, есть всё, что необходимо...

– Увы, далеко не всё...

Неизвестно, что хотела добавить старая герцогиня, но тут ее самым бесцеремонным образом прервали бегущие по аллее мальчишки, внезапно оказавшиеся перед повелительницей здешних земель.

– Что вы себе позволяете! – прикрикнула на них Марта, но Клара Мария мягко остановила ее.

– Просим прощения у вашего высочества и вашей милости, – начал Гюнтер, язык у которого был подвешен лучше других, – мы вовсе не хотели никого оскорбить!

– Я не сержусь на вас, дети, – скупой улыбнулась герцогиня, – однако от какой ужасной напасти вы так поспешно бежали?

Тут выяснился пикантный момент: напастью, от которой спасались молодые люди, была дочь Марты. Дело в том, что они имели неосторожность принять ее в свою компанию и играли теперь вместе. Игра, судя по всему, называлась «догонялки», и именно от Марии Агнессы сейчас и улепетывали Руфус с Гюнтером, а та, растрепанная как фурия, неслась за ними, обещая расправиться, как только мальчишки попадутся ей в руки. Прятаться было поздно, и девочка предстала перед лицом матери и бабушки.

– Что это значит? – ахнула Марта и опасливо обернулась на герцогиню.

– Мы играли, – вздохнула Шурка.

– Какой ужас!

– Не ругай ее, – зашлась от смеха ее высочество. – Право, я давно не видела ничего более забавного!

– Как прикажете, – присела в книксене камеристка, бросив многообещающий взгляд на дочку.

– Что-то стало прохладно, – поежилась герцогиня. – Давайте вернемся в замок. Кстати, молодую фройляйн приглашение тоже касается.

Александра, бросив напоследок уничтожающий взгляд на мальчишек, покорно поплелась вслед за матерью и бабушкой. Девочка никогда прежде не бывала в кабинете герцогини и потому осматривалась с большим любопытством. В отличие от других покоев, обставленных с несколько холодной роскошью, в нем было уютно. Мебель была проста, но добротна, стены покрывали ковры и гобелены, а на столе лежали бумаги. Еще отчетливо пахло валерианой и мятой от снадобий, которые принимала хозяйка. Но главным украшением комнаты было висящее на стене зеркало в массивной золоченой раме.

Шурка с любопытством уставилась на свое отражение, пытаясь хорошенько разглядеть тело, в которое занесло ее разум и душу. До сих пор ей удавалось полюбоваться на себя лишь в маленькое зеркальце матери, что было не слишком удобно. Надо сказать, вид у нее был еще тот. Чепец сбился набок, волосы растрепаны, подол платья подран, а физиономия испачкана землей. Но тем не менее оценить себя можно было и так. Что же, руки-ноги не кривые, худая, конечно, до неприличия, но это дело наживное. Лицо чистое, а черты его правильны и, пожалуй, даже приятны. Прическа в ее времени называлась – «я у мамы дурочка», но это легко исправить. Тем паче что волосы были густыми и здоровыми, темно-каштанового цвета, как у матери.

– Видишь теперь, на кого ты похожа? – не преминула укорить ее мать.

– Чучело! – охотно согласилась с ней дочь, вызвав признанием еще одну улыбку у бабушки.

– Хорошо, что ты это понимаешь, – мягко заметила она, устроившись поудобнее в большом кресле. – Видишь ли, голубушка, твой вид не слишком приличен даже для дворовой девчонки, что уж тут говорить о маленькой принцессе!

– А разве я принцесса?

– Пока нет, но будешь ею. Во всяком случае, я не собираюсь оставлять этот мир, пока не добьюсь соблюдения твоих прав.

– Зачем вам вообще его оставлять? – удивилась Шурка. – Вы еще совсем не старая!

– Подумать только, ты еще такая маленькая, но уже умеешь столь бессовестно льстить. Видит бог, из тебя получится прекрасная принцесса!

– Но, ваше высочество, – попыталась возразить ей Марта, – маленькая Мария Агнесса права, вам еще рано думать о смерти!

– Увы, мои дорогие, о ней думать никогда не рано. Впрочем, речь сейчас не об этом. Я бы хотела поговорить с вами об очень важных вещах и именно поэтому позвала сюда. Слушайте меня внимательно и постарайтесь запомнить, особенно ты, малышка. Пока я жива, я могу защитить вас от любой напасти, но это может скоро измениться. Если со мной что-то случится, вы должны будете немедленно уехать из Брауншвейга.

– Но куда?

– Лучше всего – в Москву, но туда вы вряд ли доберетесь без посторонней помощи. К тому же, насколько я сумела узнать тамошние обычаи, в тех краях не слишком жалуют незаконнорожденных детей, как, впрочем, и везде.

– Зачем же нам туда ехать?

– Затем, что здесь скоро начнутся страшные дела. Ты ведь читала письма Иоганна Альбрехта, в которых он предупреждал о том, что скоро начнется большая война?

– Вы все-таки полагаете, что эти ужасные предсказания верны?

– Видишь ли, девочка моя, император Матвей уже стар, но он всю жизнь заготавливал дрова для большого костра, который вспыхнет вскоре после его смерти и опалит своим дыханием все вокруг. Его преемник Фердинанд не имеет и сотой доли талантов своего кузена, но у него в избытке решимости, которой у

того не водилось. И уж будьте уверены, он не моргнув глазом развяжет бойню и зальет эту многострадальную землю кровью несчастных.

– Но Евангелическая лига не позволит ему, – с тревогой воскликнула Марта, но герцогиня тут же прервала свою камеристку:

– Не говори глупостей, дитя мое, по крайней мере, при мне. У лидеров Лиги нет и никогда не будет вождя, да они и не хотят его. Каждый из них больше всего боится, что в случае победы усилится его сосед, а потому они никогда не смогут договориться.

– А Фридрих Пфальцский?

– Говорят, чехи хотят выбрать его королем, но это будет началом конца. Император, кто бы им ни стал, не потерпит подобного, а уж тем более Фердинанд Габсбург. Виттельсбах[3 - Виттельбахи – один из самых знатных и разветвленных дворянских родов Германии, к которому принадлежал Фридрих Пфальцский.] сначала потеряет Чехию, а затем и Пфальц, и, помани мое слово, никто из Евангелической лиги палец о палец не ударит, чтобы ему помочь.

– Но что же делать?

– Ничего. Если бы мой сын правил в Мекленбурге, то, возможно, ему бы удалось создать армию и стать на пути войск императора. Но он в России и ему хватает своих дел.

– А если полякам все-таки удастся выгнать его из Москвы?

– Это вряд ли. Видишь ли, пока что Речь Посполитая гораздо сильнее и многочисленнее, чем его царство, но ее государственное устройство ни за что не позволит королю сосредоточить всю свою мощь в одном месте. Сигизмунд Ваза – всего лишь марионетка в руках польской аристократии, и они никогда не дадут ему усилиться.

– Значит, нам нужно в Россию?

– Сначала доберитесь до Мекленбурга, туда этот пожар не скоро перекинется.

– Но Катарина Шведская нам точно не обрадуется.

– В таком случае отправляйтесь в Померанию. Я говорила с моими братьями, они обещали принять вас.

Пока герцогиня наставляла Марту, Шурка внимательно прислушивалась к ее словам, жадно впитывая информацию. Многие были непонятны, но она надеялась во всем разобраться позднее. Ее серьезность не осталась незамеченной, и бабушка, еще раз ласково улыбнувшись, спросила:

– Ты все поняла, малышка?

– Да.

– И что же?

– Если вашего высочества не станет, нам с матушкой туго придется.

На лицо Клары Марии набежала тень, но она справилась с волнением и показала девочке небольшой ларец, стоявший на ее столе.

– Подай мне его, дитя мое.

Получив требуемое, она откинула крышку и показала Марте с дочкой его содержимое.

– Когда ты родилась, я распорядилась купить небольшой домик в Росток. Вот купчая и дарственная на него. Даже если с твоим титулом ничего не выйдет, вы сможете жить в нем, и никто не посмеет его отобрать у вас с матерью. Но, надеюсь, до этого не дойдет.

– Вы так добры, ваше высочество, – начала благодарить ее камеристка, но герцогиня остановила ее жестом.

– Я немного устала, – слабым голосом сказала она. – Ступайте пока, а мне надо отдохнуть. И не забудьте взять документы.

– Как прикажете, – присела в книксене Марта и выразительно посмотрела на дочь.

Шурка, спохватившись, тоже попыталась изобразить нечто подобное, но у нее, в отличие от матери, получилось куда менее изящно. Затем они вышли из покоев герцогини и отправились к себе. Их комната находилась не слишком далеко, и они скоро добрались.

– Бабушка и вправду так плоха? – осторожно спросила девочка.

– Не знаю, но нам нужно быть готовыми ко всему.

– Ты поэтому учишься фехтованию?

– Верно.

– А когда научишь меня?

– Тебе нужно еще немножко подрасти и окрепнуть. Для того, чтобы работать шпагой, нужны силы.

– Я сильная!

– Судя по тому, как от тебя улепетывали мальчишки, это действительно так. Кстати, а чем вызвана подобная к ним немилость?

– Гюнтер – свинья! – поморщилась Шурка и непроизвольно вытерла губы ладонью.

– Что случилось?

– Мы играли в жмурки, и мне досталось водить. А когда я поймала его, он вдруг взял да и облизнул меня.

– Что?!

– Ну, говорю же, что этот недоумок полез ко мне целоваться. Ей-богу, я бы прибила его, но он слишком быстро бежит! И нет в этом ничего смешного...

– Не сердись, – воскликнула Марта, продолжая смеяться, и обняла Шурку. – Давай-ка лучше причешем тебя, а то в следующий раз никто не захочет целоваться с такой растрепанной девочкой. А еще тебе надо умыться!

– Больно надо мне целоваться с кем попало, – пробурчала дочь, но не стала перечить и принялась приводить себя в порядок.

Ей очень нравилось, когда мать расчесывала и заплетала ее длинные волосы. Это было так странно и необычно, ведь в свое время она носила мальчишескую прическу, но всякий раз, когда Марта бралась за гребешок, девочка млела от восторга.

– Ну вот, теперь ты и впрямь похожа на маленькую принцессу, а не на атамана разбойников, – заявила женщина, закончив работу.

– Ты и впрямь думаешь, что отец признает меня?

– А почему нет?

– Ну, не знаю, все эти годы он прекрасно обходился без нас, наверняка сможет делать это и дальше.

– Не говори так!

– А разве это не правда?

– Нет! Просто он очень далеко.

– В Москве?

– Да в Москве. В тех краях постоянно идет война, то с поляками, то с татарами. Даже его жена – герцогиня Катарина – не рискует туда ехать с детьми.

– А он там безмерно страдает и мучается в разлуке!

– Какая же ты злая...

– Прости, мамочка, – повинулась Шурка, увидев, что ее слова неприятны Марте. – Просто я думаю, что если меня признают принцессой, нас с тобой могут разлучить.

– Это еще почему?

– Потому что герцогиня Катарина рано или поздно отправится к мужу в Россию и станет там царицей. И боюсь, ей не очень-то понравится, если ты будешь рядом.

– Это точно.

– Вот поэтому нам лучше держаться подальше и от Москвы и от моего папаши. И если бабушка подарила нам дом, мы прекрасно можем жить в нем.

– Ты так думаешь?

– Ну, конечно! Ты выйдешь замуж за хорошего человека и родишь мне братика или сестричку. А я буду помогать тебе их нянчить.

– Мария, что ты такое говоришь!

– А что такого я сказала? Ты еще молода и красива и вполне можешь устроить свою жизнь.

– Прекрати этот разговор немедленно!

– Все, молчу!

– Вот негодная девчонка, – возмущению матери не было предела. – Как тебе не стыдно говорить мне такие вещи?

– Просто я очень тебя люблю и хочу, чтобы ты была счастлива!

– Боюсь, это невозможно, – грустно сказала Марта и закрыла лицо руками.

«Боже мой, она все еще сохнет по нему», – сообразила Шурка, и ей стало невыносимо стыдно. Вскочив с места, она подошла к ней и крепко обняла.

– Мамочка, прости меня, – прошептала она. – Я вовсе не хотела тебя огорчать.

– Я не сержусь, – ответила та дрогнувшим голосом. – Просто никогда больше не заводи таких разговоров со мной.

– Не буду, – тут же пообещала ей дочь, с горечью подумав про себя, что сама в своей прошлой-будущей жизни была такой же.

Юный принц Карл Густав находился в самом дурном расположении духа. Вообще-то обычно он был добрым и приветливым мальчиком, лишь иногда огорчавшим шалостями свою высокородную мать, герцогиню Катарину. Однако сегодня он превзошел сам себя. Все началось во время уроков, но поначалу ничто не предвещало подобного исхода. Нельзя сказать, чтобы Карл уж очень любил учиться, но ему нравилось заниматься счетом и чтением. С чистописанием дело обстояло похуже, но и с ним принц, приложив определенные усилия, обычно справлялся. Лекции по истории, в особенности описывающие деяния великих полководцев древности, также находили в его сердце живейший отклик. Но вот закон Божий...

Нет, Карл Густав был в высшей степени благовоспитанный и богобоязненный мальчик. Благодаря прекрасной памяти, он легко запоминал молитвы и псалмы, но к его глубочайшему сожалению, преподавать этот предмет ему взялся сам его преосвященство епископ Глюк. Все дело было в том, что епископ любил во время уроков произносить длинные нравоучительные проповеди, подкрепляя их обширными цитатами из Священного Писания, а также примерами из окружающей действительности. Карл Густав быстро уставал от подобного многословия и становился рассеян, а епископ, заметив это, чрезвычайно сердился. Вот и сегодня, поняв, что мысли мальчика блуждают где-то далеко-далеко, он вышел из себя и закричал, что из принца никогда не выйдет ничего дельного, как и из его беспутного отца.

Надо сказать, что досточтимая герцогиня считала, что детей следует растить в строгости, а потому настаивала, чтобы учителя нисколько не стеснялись высоким происхождением своего подопечного. «Если вы сочтете необходимым сообщить моему сыну, что он тупица, вы вольны это сделать, – неоднократно заявляла она. – Я лишь настаиваю, чтобы вы не забывали при этом добавлять “ваша светлость”!» Впрочем, Глюк был единственным из учителей, у кого возникала в этом надобность. Однако на этот раз – нашла коса на камень! Хотя Карл Густав совсем не помнил своего отца, он питал к нему совершенно неизъяснимые чувства. Тут перемежались любовь, почтение, гордость... О, быть сыном такого человека, как великий герцог Иоганн Альбрехт!.. Он всегда побеждал своих врагов, не обращая внимания на их численность. Он спас на поле боя дедушку принца – короля Карла, а затем практически в одиночку разгромил «проклятых датчан». Да про его подвиги можно рассказывать целый день, а тут какой-то епископ смеет называть его беспутным?..

– Как вы сказали, ваше преосвященство? – переспросил мальчик голосом, не предвещавшим ничего доброго.

Увы, Глюку хватило ума повторить последнюю фразу, а уже в следующую минуту ему пришлось уворачиваться от чернильницы. Надо сказать, что преподобному это почти удалось. То есть тяжелый писчий прибор счастливо миновал встречи с епископской головой, чего, к сожалению, никак нельзя сказать о его содержимом... Воспользовавшись переполохом, принц тут же улизнул и теперь скрывался от грозящей ему кары в саду.

– Вашу светлость везде ищут, – мрачно заявил его приятель Петер.

Петер был на год старше принца, а его родители жили неподалеку от Шверина, и мальчишки частенько проказничали вместе. Его отец служил в замке конюхом, а мать была служанкой прежней герцогини, пока та, бедняжка, не скончалась при родах.

– Я знаю... – со вздохом отозвался принц.

– Вы и впрямь швырнули в епископа чернильницей?

– Он назвал моего отца беспутным!

– Свинья! – согласился с ним Петер. – Никто другой не смог бы так сказать про нашего доброго герцога. Знаете, в другой раз я бы с удовольствием сказал, что это я швырнул в преподобного вашу чернильницу, но кто в это поверит? Мне уж совсем нечего делать на ваших уроках.

– Не надо, – испугался Карл Густав, – тебя и так прошлый раз высекли, когда ты сказал, будто запустить в сад свинью с поросятами было твоей затеей.

– Да уж, – усмехнулся мальчишка и непроизвольно почесал наиболее пострадавшее в тот раз место. – Помните, с каким визгом они бегали по саду, распугивая служанок?

– Да, но ведь это я придумал...

– Это самое малое, что я мог сделать для вашей светлости. Отец всегда говорит, что наша семья всем обязана герцогу Иоганну Альбрехту, а потому я должен верно служить его сыну, то есть вам. И когда он так говорит, даже моя мама улыбается, а уж с ней не часто такое случается.

– Ну и глупо, потому что моя матушка все равно не поверила в эту басню и приказала меня высечь.

– Это потому, что вы ей сразу признались.

– Конечно, я ведь сын герцога-странника, и мне не годится прятаться за чужими спинами.

– А вот это достойная речь! – раздался совсем рядом громкий голос, и к мальчишкам вышел высокий мужчина в нарядном камзоле.

Было совершенно непонятно, откуда он взялся и как ухитрился подобраться незамеченным, так что застигнутые врасплох мальчишки на мгновение остолбенели. Впрочем, они пребывали в ступоре недолго и тут же кинулись в разные стороны; и непременно преуспели бы в своем намерении, если бы не ловкость незнакомца, тут же схватившего обоих за шиворот.

– Далеко ли вы собрались, молодые люди? Это, право же, невежливо, ведь я еще не закончил!

– Кто вы, сударь? – почти спокойно спросил у него принц, в то время как его товарищ продолжал отчаянно вырываться.

– Хороший вопрос, ваше высочество, и я непременно отвечу на него, как только ваш спутник прекратит сопротивление.

– Как бы не так!.. – огрызнулся Петер и вдруг, сделав неуловимое движение, выскользнул из рубашки и бросился бежать.

– Вот ведь сорванец! – засмеялся незнакомец.

– Может быть, вы меня отпустите?

– Если вы, ваше высочество, пообещаете не предпринимать попыток к бегству, а то ведь мне нельзя бегать.

– Обещаю, но почему вы титузуете меня «высочеством», ведь я пока всего лишь «светлость».

– А вот тут вы ошибаетесь, мой принц. Ваш отец носит титул «царь всея Руси», а стало быть, равен императору. Следовательно, вы имеете право именоваться «высочеством» или даже «королевским высочеством».

– Вы знаете моего отца?

– Позвольте представиться, мой принц. Барон фон Гершов, к вашим услугам. Я обер-камергер вашего отца и заодно ваш новый воспитатель.

– Вас прислал мой отец?

– Совершенно верно!

– Вы увезете меня к нему?

– Я имею такое повеление от его величества.

– Когда мы едем?

– Боюсь, не так скоро, – улыбнулся фон Гершов, – как минимум вам прежде нужно объясниться с вашей царственной матушкой по поводу покушения на его преосвященство.

– Он оскорбил моего отца!

– Не могу не признать – достаточный повод.

– Меня накажут?

– Вне всякого сомнения.

– Ну и пусть!

– Вы позволите сопроводить ваше высочество? – церемонно поклонился барон.

– Буду вам чрезвычайно обязан, – ответил на поклон принц, и тут же спросил: – А отчего вам нельзя бегать?

– Что, простите?

– Вы просили меня не убегать, потому что вам нельзя бегать.

– Ах, вот вы о чем... – засмеялся фон Гершов, – это одна из любимых шуток вашего отца. Он говорит, что генералам нельзя бегать, потому что в мирное время это может вызвать смех, а в военное – панику.

– А вы генерал?

– Да, я командующий немецкой гвардией его величества. Кстати, пока мы идем, может быть, ваше высочество расскажет мне, что на самом деле произошло?..

Через несколько минут они стояли перед герцогиней Катариной, рядом с которой, с видом христианского мученика, отданного на съедение львам, стоял преподобный Глюк.

– Благодарю вас, барон, – с царственным величием наклонила голову Катарина, – обычно этого сорванца не так просто сыскать.

– Служить вам – мой долг, – изящно поклонился тот в ответ.

– Сын мой, – обратилась тем временем герцогиня к сыну, – я чрезвычайно разочарована поведением вашей светлости! Скажу более, вы до крайности огорчили меня. Его преосвященство мне все рассказал, и я намерена примерно наказать вас.

Все это Катарина произнесла печальным, но вместе с тем торжественным тоном, с поистине королевским величием. Однако реакция юного принца оказалась весьма неожиданной:

– Матушка, как послушный сын я приму любое ваше наказание, однако настоятельно требую, чтобы меня именовали согласно моему титулу!

– Что это значит?..

– Прошу прощения, – счел необходимым вмешаться Кароль, – но это я объяснил принцу Карлу Густаву, что он старший сын русского царя и потому имеет право титуловаться его высочеством...

– Варварский титул, – негромко фыркнул Глюк, – он не может быть ровней европейскому!

– ...к тому же, – продолжал фон Гершов, не обращая внимания на слова епископа, – указом Его Царского Величества я назначен старшим воспитателем его высочества. Поэтому я не могу согласиться с необходимостью наказания моего подопечного, до той поры, пока не узнаю обо всех обстоятельствах дела.

– Как вы смеее оспаривать решения ее королевского высочества? – возмутился Глюк. – Это неслыханно!

– А разве герцогиня уже приняла решение? Простите, я его не слышал!

– Хорошо, – согласилась Катарина, – ваше преосвященство, соблаговолите повторить ваш рассказ.

– Только из уважения к шведскому королевскому дому... – поджал губы епископ. – Впрочем, извольте. Сегодня его светлость, принц Карл Густав, были чрезвычайно неусердны в изучении наук. Несмотря на мои неоднократные кроткие увещевания, принц не пожелал изменить свое поведение, и когда я пообещал его наказать... заметьте, только пообещал! Так вот, услышав о наказании, его светлость изволили кинуть в меня бронзовой чернильницей, от каковой я увернулся совершеннейшим чудом.

– Это неправда! – возмущенно воскликнул Карл Густав, но фон Гершов, положив руку на плечо мальчика, успокоил его порыв.

– Сохраняйте спокойствие, мой принц.

– Вот видите, – патетически воскликнул Глюк, – а теперь он обвиняет во лжи своего духовного отца!..

– Ваше преосвященство, – прервал его излияния барон, – позвольте задать вам один уточняющий картину произошедшего вопрос. Так сказать, чтобы видеть ее целиком во всех деталях.

– Извольте.

– Чернильница полетела в вас до того, как вы совершили оскорбление величества или после?

– Что за домыслы!

– Я настаиваю на своем вопросе, преподобный! Это случилось до того, как вы дерзнули назвать великого герцога Иоганна Альбрехта, на землях которого сейчас находитесь – беспутным?

– Вы мне этого не говорили, – заметила герцогиня.

– А разве я не прав! – взвился понявший, что ему нечего терять, епископ. – Разве герцог не бросил жену и детей? Разве он не отрекся от веры отцов и не впал в еретичество?

– Вы закончили, ваше преосвященство? – холодно осведомился фон Гершов.

– Нет! До конца жизни я буду обличать пороки и нести слово Божие!

– Ничего не имею против, но, может быть, вы станете это делать на вашей кафедре?

– Что вы сказали?..

– Я сказал, что вы шведский епископ, и ваши прихожане, вполне вероятно, тоскуют по вам.

– Как вы смеете изгонять слугителя Господа?!

– Как вы смеете оскорблять моего сюзерена?!

– Ваше преосвященство, – Катарина мягко прервала епископа, готового в очередной раз разразиться гневной тирадой, – вам совершенно необходимо отдохнуть. Я же тем временем побеседую с господином бароном.

– Как будет угодно вашему королевскому высочеству.

– Сын мой, подождите вашего наставника в своих покоях.

– Да, матушка.

Дождавшись, когда все выйдут, герцогиня пристально взглянула на Кароля и некоторое время внимательно его разглядывала. Затем она указала ему веером на кресло и, поудобнее устроившись в своем, начала разговор:

– Господин фон Гершов, как давно вы стали бароном? Припоминаю, что прежде у вас не было никакого титула.

– Вы совершенно правы, ваше королевское высочество. Этот титул мне пожаловал ваш царственный супруг через год после взятия Риги.

– Вы, очевидно, оказали моему мужу большие услуги в этом походе?

– Я служил в меру своих сил, и его величество счел необходимым это отметить.

– У вас, кажется, был брат; он тоже получил титул?

– Увы, с моим бедным братом случилось несчастье.

– Сочувствую.

– Благодарю.

– Ваше прибытие оказалось несколько неожиданным, и я немного растерялась. Как случилось, что вы, сделав такую завидную карьеру в войсках моего мужа, вдруг оказались в роли наставника принца Карла Густава?

– Быть наставником наследника – большая честь. Кроме того, у меня есть еще поручения, выполнение которых государь смог доверить только мне. К тому же моя жена давно хотела побывать в Мекленбурге и Померании. Его величество захотел сделать ей приятное.

– Так вы женаты?

– Да, ваше высочество.

– И где же ваша супруга?

– В настоящий момент – в Росток. Я устроил ее в гостинице и немедленно отправился выполнять поручения вашего мужа.

– Как ее зовут?

- Регина Аделаида, урожденная фон Буксгевден.
- Весьма известный род. Мы желаем, чтобы она была представлена ко двору.
- Ничто не обрадует ее больше, ваше королевское высочество.
- Кстати, а почему вы титузуете меня высочеством? Раз уж вы напомнили моему сыну, что он наследник царя, то...
- Моя герцогиня, клянусь богом, у вас не будет более верного подданного, чем я, когда вашу голову, наконец, увенчает достойная ее корона. Однако для этого вам необходимо приехать в Москву и занять принадлежащее вам по праву место.
- Иоганн, наверное, сердит на меня?
- Нисколько! Его величество тоскует в одиночестве, это верно...
- Тоскует в одиночестве!.. – немного саркастически воскликнула Катарина. – Барон, вам бы мадригалы писать или любовные романы! Право, я даже не ожидала услышать от вас столь искусной басни. Вы думаете, мне не известны наклонности моего супруга? Ха-ха, я шагу не могу ступить, чтобы не наткнуться на очередной плод его грехов. Даже здесь, в этом замке, мой сын ухитрился найти себе в компанию бастарда моего муженька.
- Простите, вы, вероятно, имеете в виду этого пронырливого мальчишку в драной рубашке, которого я застал беседующим с принцем?
- Именно. Мне донесли, каким образом он появился на свет и как Иоганн Альбрехт приказал этому дурачку-конюху прикрыть его грех. Да вы, вероятно, не хуже меня знаете эту историю, ведь вы были с ним!
- Я так понимаю, речь идет о Гертруде, служанке покойной герцогини Виктории Луизы?
- Вы правильно понимаете!

– Но кто распространяет столь низкую ложь?

– Ложь?

– Разумеется! Я действительно был свидетелем всей этой истории и могу засвидетельствовать полную невиновность вашего супруга. Не говоря уж о том, что вы еще не были женаты.

– О, я не сомневалась в вашей преданности...

– Да при чем тут преданность, моя герцогиня! Простите, но я совершенно теряюсь: может, тут идет речь о какой-то другой Гертруде?

– Что вы имеете в виду?

– Но... вы видели ее лицо?

– Хм... действительно, это не самое большое ее достоинство. Мне, по правде говоря, этот момент всегда казался сомнительным. Но Иоганн дал ей весьма немалое приданое...

– Да что же ему оставалось делать! Эта девушка была служанкой его кухни, и ее обесчестил один из русских наемников вашего мужа. Поженить он их не мог, поскольку негодяй был женат. Тогда он нашел ей супруга и дал им обоим состояние, чтобы удовлетворить претензии покойной герцогини.

– Хм... но этот сорванец Петер не слишком похож на мать или отца...

– Зато очень похож на этого русского наемника!

– Боже, мне никогда и в голову не приходило подобное объяснение, к тому же мне говорили, что Иоганн воспользовался правом первой ночи...

– Ваше высочество, прошу простить мне мое невежество, но как может идти речь о праве первой ночи, если девушка уже обещана?

– Невероятно...

– Прошу простить мне мою дерзость, герцогиня. Будет ли мне позволено спросить вас...

– Спрашивайте, барон. Я, повинуюсь какой-то совершенно невероятной слабости, наговорила вам столько лишнего, что еще одна неловкость или нелепость ровным счетом ничего не изменит.

– Уж не преосвященный ли Глюк рассказал вам эту басню, о Гертруде и вашем супруге?

На лицо Катарины как будто набежала тень. Некоторое время она смотрела отсутствующим взглядом, но самообладание скоро к ней вернулось, и она ответила:

– Мне кажется, вы, как и мой муж, относитесь к епископу немного предвзято.

– Может быть, ваше высочество. Но то, что сегодня произошло, совершенно не красит его в моих глазах. Поэтому прошу меня простить, но на этот счет его величество дал мне самые четкие инструкции.

– И какие же?

– Я имею полномочия просить его преосвященство покинуть земли, подвластные его величеству.

– Вам не за что извиняться, барон. Разумеется, я не смею противиться воле моего супруга, а потому не могу вам препятствовать в этом. Пока же ступайте к своему подопечному; как мне кажется, вы ему понравились. Мы с вами позже еще побеседуем, а пока прошу вас удалиться. И не забудьте привезти вашу супругу.

С этими словами Катарина протянула руку, и вскочивший фон Гершов почтительно ее поцеловал. Затем он весьма изящно поклонился и вышел из кабинета. Как оказалось, принц Карл Густав с нетерпением ожидал его возвращения и, едва увидев, бросился к своему новому наставнику.

– Все хорошо? – спросил он Кароля.

– Более чем, мой принц!

– Меня не будут наказывать?

– Непременно будут.

– Но за что, я же ни в чем не виноват!

– Вы совершенно напрасно так думаете, молодой человек. Вы изволили бросить в его преосвященство чернильницей и, несмотря на ничтожность расстояния, ухитрились промахнуться. Я нахожу это непростительным.

– Но что же делать? – воскликнул совершенно сбитый с толку мальчик.

– Разумеется, тренироваться, мой друг. Я намерен заняться вашей боевой подготовкой, и можете поверить мне на слово, больше с вами такого конфуза не повторится.

– Ура! – закричал обрадованный принц. – А можно Петер будет тренироваться со мной?

– Не уверен... – барон ненадолго задумался, – не очень-то он похож на Анисима.

– А кто такой Anisim и почему это так важно?

– Не обращайтесь внимания, ваше высочество, на самом деле это совсем не важно.

Юному Карлу Густаву повезло. Его учителем в воинских науках был многоопытный офицер, проделавший не одну кампанию, как на море, так и на суше. А вот единокровной сестре мекленбургского принца достался менее именитый наставник. Мсье Бопре, очевидно, желая понравиться Марте, взялся-таки за ее обучение. Поскольку даже учебная шпага была тяжеловата для девочки, ей выстругали деревянную, и теперь она усердно учила стойки и

позиции, финты и уколы. Дело это оказалось совсем не простым, но Шурка с энтузиазмом принялась за него. Особенно ей нравилось, что для занятий ей разрешили переодеваться в специально сшитые для этой цели камзол и короткие штаны с чулками, в которых она выглядела совсем как мальчик. Ну, если не считать длинных кос. Впрочем, она прятала их под беретом.

После занятий с французом она в таком виде бежала к своим друзьям Руфусу и Гюнтеру, и тренировки продолжались. Мальчишки изготовили себе такие же шпаги, как у нее, и теперь они целыми днями с упоением сражались друг с другом. Несмотря на защитное снаряжение, тело девочки было покрыто синяками, но дело того стоило. То ли от природной гибкости, то ли от того, что гугенот оказался хорошим учителем, но она довольно быстро превзошла своих друзей. Хотя здоровяк Руфус был куда сильнее ее, Шурка раз за разом одолевала его за счет скорости и ловкости. С Гюнтером было труднее, но и с ним она справлялась, особенно если тот, засмотревшись на нее, терял бдительность. Мальчишка, похоже, не на шутку увлекся ею, но, слава Создателю, больше не лез с поцелуями, очевидно, помня, чем это кончилось в прошлый раз.

Вдоволь насражавшись, они гуляли в окрестностях замка, бегали купаться на речку. Ни плавок, ни купальников у них, разумеется, не было и поначалу это немного смущало Сашу, но нравы вокруг были очень простые. К тому же ее верные паладины всегда терпеливо ждали, пока она разденется в кустах, и никогда не подглядывали.

В один из таких дней, когда они возвращались после купания, их встретила Гретхен, единственная из местных девочек, которую Шурка могла назвать подругой. Хотя она не очень одобряла увлечение фехтованием и дружбу с мальчишками, они все же общались.

– Мария Агнесса, где ты ходишь? – обеспокоенно воскликнула та. – Тебя все обыскались!

– А что случилось?

– Я не знаю, но если ты поспешишь, то тебя, возможно, не накажут.

– За что?!

– За то, что ты водишься с этими шалопаями, конечно!

– Кого это ты назвала шалопаями? – насупился Руфус. – Вот мы тебя сейчас вздуем!

– Только попробуйте! – презрительно усмехнулась Гретхен.

– А что ты нам сделаешь? Разве что наябедничаешь господину управляющему...

– Я вам не Хильда! – возмутилась девочка. – Но если вы меня хоть пальцем тронете, то уж я придумаю, как вам досадить. Не обрадуетесь!

– Да ладно тебе, – примирительно воскликнул Гюнтер. – Мы вовсе не собирались тебя обижать. Ведь ты подруга Марии, а значит – и наша.

– Вот еще, – гордо отозвалась та. – Если у нее хватает ума водиться с вами, то это не значит, что и я буду с вами дружить!

– Ладно, я пошла, – прекратила их пикировку Шурка. – Завтра увидимся.

– Конечно, пошли, – заторопилась вместе с ней подружка. – Тебя все ждут, а мы тут болтаем.

– Может, ты все-таки скажешь, что случилось?

– Да говорю же – не знаю! Но говорят, что госпожа герцогиня получила какие-то важные вести и тут же приказала найти тебя. Так что пойдем быстрее, а то мне до смерти любопытно, что же такое стряслось?!

Времени переодеваться не было, и заинтригованная девочка так и отправилась в покои герцогини в фехтовальном костюме. Помимо бабушки и матери, там присутствовал герцог Август и управляющий замком герр Кнопс.

– А вот и вы, юная фройляйн, – поприветствовала ее бабушка. – Долго же вас пришлось ждать.

– А мне показалось, что это молодой человек, а не ваша воспитанница, – усмехнулся ее супруг.

– Прошу прощения у ваших высочеств, – поклонилась Шурка, причем, поскольку приседать в штанах было глупо, сделала это по-мужски. – Я не знала, что могу понадобиться вам.

– Идите сюда, дитя мое. Случилось нечто очень важное, и при этом напрямую касающееся вас.

– Да, я слушаю.

– Мы только что получили известие о блистательной победе нашего сына Иоганна Альбрехта над войсками его кузена королевича Владислава Ваза!

Слушая говорившую торжественным голосом бабушку, Шурка никак не могла понять, каким образом это событие могло быть связано с ней. Но спрашивать не стала, здраво рассудив, что бабушка сама все расскажет.

– Перед сражением наш сын счел за благо отдать все необходимые распоряжения, на тот случай... – Голос Клары Марии дрогнул, и она велела: – Читай, Марта!

Бледная как смерть камеристка взяла в руки свиток и начала читать вслух:

– Я, Иоганн Альбрехт из рода Никлотингов, милостью Божией, Кайзер и Самодержец всей России, многих стран государь и обладатель, Великий герцог Мекленбурга, Князь Вендена, Шверина и Ратцебурга, граф Шверина, Ростока, и господин Штатгарда, находясь в трезвом уме и полной памяти, сим объявляю, что если всемилостивейший Господь призовет меня на свой суд, то я завещаю все свои владения, титулы и средства в Священной Римской империи германской нации моему сыну принцу Карлу Густаву Мекленбургскому.

Из этих средств ему надлежит выделить в качестве приданого моей дочери принцессе Евгении сумму в двадцать тысяч гульденов единовременно, а также ренту в пять тысяч гульденов ежегодно. Помимо этого, наша дочь получает пожизненное право проживать в любом замке нашего герцогства по своему

выбору.

Кроме того, ему надлежит позаботиться о Марии Агнессе Рашке, воспитаннице моей матушки герцогини Клары Марии Брауншвейг-Вольфенбюттельской, Мекленбург-Стрелицкой, урожденной принцессы Померанской, которую я признаю своей дочерью и объявляю принцессой Мекленбургского дома. После замужества означенной принцессе Марии Агнессе в качестве приданого должна быть выплачена сумма в десять тысяч гульденов единовременно и пожизненная рента в тысячу гульденов.

Ничего не понимающая Шурка удивленно обводила присутствующих глазами, тщетно пытаясь сообразить, что все это значит. Вроде бы папаша поимел совесть и признал ее, но сделал это все-таки как-то странно.

– Я никак не пойму, – неуверенно протянула она.

– Да что же тут непонятного, – всплеснула руками герцогиня. – Отец признал тебя. Ты теперь – принцесса!

– Это как раз понятно, бабушка. Неясно другое – за кого я должна выйти замуж?

– Что?!

– Ну, я ведь правильно поняла, что содержание и приданое я получу только после заключения брака?

Слова девочки на мгновение ввели в ступор всех присутствующих. Первым пришел в себя герцог Август и громко засмеялся. Секунду спустя к нему присоединилась жена, и даже в глазах матери мелькнула смешинка. Только управляющий продолжал сохранять каменное достоинство, вероятно, считая неприличным проявлять эмоции в присутствии герцогской четы.

– Все не так плохо, дитя мое, – смогла, наконец, выговорить герцогиня Клара Мария и кивнула Марте. – Продолжай.

Та взяла со стола другой документ и, погасив улыбку, продолжила чтение:

– Я, Иоганн Альбрехт, Великий герцог Мекленбурга, третий этого имени, князь Вендена, Шверина и Ратцебурга, граф Шверина, Ростока и господин Штатгарда, находясь в трезвом уме и полной памяти, сим объявляю, что воспитанница моей благородной матери герцогини Клары Марии Брауншвейг-Вольфен-бюттельской и Мекленбург-Стрелицкой, урожденной принцессы Померанской, известная как Мария Агнесса Рашке, является моей дочерью и принадлежит к славному роду Никлотингов.

Настоящим указом я признаю ее принцессой Мекленбургского дома и повелеваю своим подданным и вассалам оказывать ей все почести, полагающиеся этому статусу. Для того, чтобы наша дочь могла содержать себя прилично ее положению, я жалую в ее пользу все полагающиеся мне подати и выплаты от города Ивенака и прилегающих к нему амтов[4 - Амт – территориально-административная единица в Северной Германии. Здесь – владение.].

Шурка внимательно прислушивалась к чеканным формулировкам указа, пытаясь ничего не упустить из услышанного. Пока было ясно следующее: папаша не только признал ее, но и выделил кое-какие средства на содержание, причем не в будущем, а в настоящем. Это была хорошая новость. Жить до совершеннолетия или замужества она будет у бабушки, которая и будет ее опекуном. В общем, любящий отец вовсе не торопится прижать ее к своей груди и вообще как-то участвовать в жизни дочери. Просто проявил заботу, прикрывая старый грех. Что тут скажешь? Козел!

– Теперь ты поняла, моя девочка? – прервала ее размышления на тему моральных качеств родителя бабушка.

– В общих чертах, – кивнула Шурка и тут же задала уточняющий вопрос: – А что – Ивенак – большой город?

– К сожалению, не очень, – правильно поняла ее обеспокоенность герцогиня. – Но это один из трех городов, доставшихся Иоганну Альбрехту от отца. Это очень важно для твоего положения, дитя мое. Что же до твоего содержания, то можешь не беспокоиться. Пока ты живешь со мной, вы с матерью не будете ни в чем нуждаться. А после этого тебе достанутся владения из моей вдовьей доли. Поверь мне, у тебя будет достойное приданое!

– Да я как-то не очень тороплюсь замуж, – хмуро отозвалась девочка, про себя думая, что папенька оказался не только полорогим и парнокопытным, но еще и жадным.

– По вашим предыдущим словам этого не скажешь, – не удержался от остроты герцог Август и ухмыльнулся в усы.

Тут Марта отложила в сторону документ и выразительно посмотрела на дочь. Шурка в последнее время научилась с полуслова понимать свою матушку и тут же кинулась благодарить бабушку, чертыхаясь про себя, что не догадалась сама до такой простой мысли.

– Спасибо, вы так добры ко мне, – с чувством сказала она герцогине и развернулась к ее мужу. – И вам, ваше высочество, я обязана столь многим, что не знаю, как и благодарить.

– Не стоит, малышка, – улыбнулся Август. – Ты хорошая девочка, и я рад, что ты живешь с нами. Но хочу заметить, что наряды следует подбирать тщательнее!

С этой минуты жизнь Шурки изменилась кардинально, и она вовсе не была уверена, что в лучшую сторону. Во-первых, у нее стало куда меньше свободы. Если раньше девочка вольна была ходить куда угодно, то теперь она постоянно находилась в окружении специально приставленных к ней нянек. Даже играть с подружками ей позволялось лишь в их присутствии, но беда еще и в том, что их у нее не было! А уж о том, чтобы бегать по окрестностям вместе с Руфусом и Гюнтером – и вовсе не могло быть и речи.

Другой проблемой стала одежда. Если раньше она носила простые и удобные платья, какие были на большинстве девочек ее возраста в замке, то теперь ей приходилось наряжаться в куда более строгую одежду, и это откровенно бесило. Но даже эти орудия для пыток, лишь по недоразумению именуемые платьями, были цветочками по сравнению с парадным нарядом, в котором ее должны были представить брауншвейгскому дворянству. Состоял он из двух тяжелых бархатных платьев, обильно украшенных шитьем, надетых одно на другое. На верхнем еще были разрезы, очевидно, для того, чтобы было видно нижнее, совсем глухое. Руки прикрывались практически до пальцев, а поверх высокого воротника надевался еще один – гофрированный, достававший почти до плеч.

Волосы, собранные в невероятную прическу, прятались под золоченую сетку, поверх которой покоилась маленькая корона – подарок бабушки-герцогини.

Надо сказать, что чувствовала себя Шурка в этом великолепии полной дурой, но любые попытки хоть как-то возразить немедля пресекались совершенно железобетонным аргументом:

– Ты же девочка!

Это словосочетание гарантированно выводило ее из себя еще в прошлой жизни, но теперь волей-неволей приходилось соответствовать.

Хуже всего далось ей расставание с друзьями. Хотя занятия фехтованием продолжались, сбежать после них принцессе не давали бдительные няньки. Приходилось уныло тащиться к себе в покои и менять удобный костюм на постылое платье.

Впрочем, были и приятные моменты. Одним из таких стала реакция Хильды на ее новое положение. Та, разумеется, тут же забыла о своей неприязни к воспитаннице герцогини и попыталась подлизаться к ней, но безуспешно. Принцесса не пожелала иметь с ней ничего общего, о чем сообщила в совершенно недву-смысленных выражениях. Единственной ее подружкой осталась Гретхен. Это обстоятельство послужило поводом для дикой зависти всех девочек в замке.

Еще одним следствием изменения статуса стали новые апартаменты, занятые новоиспеченной принцессой дома Никлотингов. Если раньше они с Мартой ютились в тесной комнатухе, то теперь у них была большая светлая спальня, к которой примыкали два помещения поменьше. Одно служило личным будуаром Шурки, а во втором спали няньки.

Утро начиналось всегда одинаково. После подъема следовала процедура умывания, причесывания и одевания. Прической ее по-прежнему занималась Марта, и это было самое приятное, что случалось с девочкой за весь день. Облачившись, она отправлялась на половину бабушки, где они завтракали. Шурка была единственной, кто допускался сидеть за одним столом с герцогской четой, и это поначалу было очень непривычно. Вся прислуга, включая управляющего и Марту, принимала пищу в другом месте. Еда, к слову, была

самая простая. Супы, каши, свежесыпеченный хлеб. Пили вино или легкое пиво. Ни чая, ни кофе за столом владельцев местных земель не водилось, и лишь по праздникам герцогиня позволяла себе чашку горячего шоколада, до которого была большой охотницей.

– Раньше у меня был повар-итальянец, который чудесно умел заваривать напиток из арабских зерен, – мечтательно говорила она внучке. – Кстати, твой отец очень любил его. Но, увы, с той поры прошло много лет. Джузеппе покинул меня, кофе в наших местах не достать, да и стоит он совершенно безумных денег! Ты будешь еще?

– Если можно, – неизменно отвечала Шурка своим ангельским голосом.

– Ну конечно можно, моя радость!

Сказать по правде, шоколад ей не так уж и нравился, но выбор был откровенно невелик. После завтрака начинались занятия, количество которых заметно выросло. Потом следовал обед, и лишь после него девочке удавалось немного расслабиться. Умаявшиеся за день няньки к тому времени теряли часть своего усердия, и она могла пообщаться с Гретхен. Беда была лишь в том, что подружка очень уж любила играть в куклы, чего было совершенно нельзя сказать о Саше.

– Погляди, как прелестна моя Адель? – щебетала она, показывая деревянного болванчика, обряженного в очередное, сшитое из лоскутов платье.

– Отпад, – соглашалась принцесса в тщетной надежде, что подруга быстрее перейдет к делу.

– Ты ведь вовсе так не думаешь? – хитро улыбалась девочка, которую, несмотря на малолетство, никак нельзя было назвать дурочкой.

– Ну, не то чтобы, – начинала дипломатничать Шурка, – просто ей надо другое платье. Как только мне станут шить какой-нибудь наряд, я тебе принесу несколько лоскутов.

– И пуговиц! – довольно кивала Гретхен, которой только это и было нужно.

– Ладно, будут тебе и пуговицы.

– Ну, хорошо. Твои друзья передавали тебе привет.

– Как они там?

– Как обычно. Руфус дерется со всеми окрестными мальчишками, а Гюнтер ходит как в воду опущенный. Похоже, он действительно в тебя втюрился!

– Не говори глупостей, мы просто друзья!

– Это ты говоришь глупости, Мария. Ой. Ничего, что я тебя так называю?

– Все нормально. Если мне понадобится кто-то, чтобы меня облизывать во всех местах, я позову Хильду.

– Только попробуй позвать эту задаваку! Я вовсе перестану к тебе ходить и передавать вести от твоих дружков-шалопаяв.

– Не буду, не буду, ты же знаешь, я ее терпеть не могу!

– Ну, так вот. Моя старшая сестра говорит, что дружбы между парнями и девушками не бывает, потому что если девушка так подумает, так парень быстро заберется ей... ой, простите, принцесса...

– Ладно тебе, я прекрасно знаю, куда парни забираются девушкам.

– Откуда это? – ревниво спросила подружка.

– Лучше тебе не знать. В общем, твоя сестра права, хотя это сокровенное знание совсем не помешало ей переспать со всеми лакеями и конюхами в замке.

– Зачем ты так говоришь, Мария Агнесса?

– Затем, чтобы ты не стала такой же дурой, когда вырастешь! Что тебе передали мальчишки?

– Что будут ждать тебя на вашем месте у пруда.

– Отлично, а теперь мне нужно твое платье.

– Что?! Мы так не договаривались!

– Прекрати, пожалуйста. Мне до смерти надоело это заточение, и я хочу хоть маленький глоток свободы. А помочь мне, кроме тебя, никому!

– Но что ты задумала?

– Ничего особенного. Эти клуши сейчас заснут, и мы спокойно поменяемся одеждой. Даже если они проснутся ненароком, хотя я за ними такого не припомню, они все равно ничего не поймут. Фигурой и волосами ты похожа на меня, а ближе они не подойдут. Играйся спокойно со своими куклами, и все будет в порядке. Кстати, вот тебе еще одна.

Это был удар ниже пояса. Во время урока вышивания Шурка утащила несколько иголок с нитками и сшила из лоскутов подобие человеческой фигурки и набила ее обрезками ткани и ниток. У нее были руки и ноги, а на лице пара глаз из пуговиц и вышитый мулине рот. Надо было еще волосы из бахромы сделать, но она не успела. Впрочем, кукла и без того получилась на славу. Во всяком случае, ни у кого такой не было. Обычно игрушки делались из дерева, в крайнем случае скручивались из пучка соломы, но почему-то пока никто не догадался их шить. Возможно, потому, что даже самые маленькие лоскуты шли в дело – на одежду или одеяла.

– Какая прелесть! – округлила глаза девочка.

– Можешь оставить ее себе!

– Хорошо, принцесса. Но если мы попадемся, то скажите, будто вы мне приказали!

– Что это ты стала такой церемонной? Не бойся, в случае чего, я все возьму на себя.

Дальше было дело техники. Поменявшись с по-дружкой платьями, Шурка как ни в чем не бывало пробежала по двору и выскользнула из замка.

– Привет, банда! – весело крикнула она мальчишкам, заскучавшим, ожидая ее.

– Здравствуйте, ваша светлость, – растерянно воскликнул Гюнтер и попытался изобразить поклон, глядя на который, девочка не могла удержаться от смеха.

– Ха-ха-ха, видел бы ты себя со стороны!

– Простите, но вы теперь принцесса...

– Прекрати немедленно! Либо мы по-прежнему друзья, либо я больше не приду!

– Не обижайся, Мария, – хмыкнул Руфус. – Просто мы уж думали, что тебе не удастся вырваться. К тому же мы давно не видели тебя в платье и растерялись. Ты ведь раньше приходила одетая как мальчишка!

– Ну и как вам? – осведомилась Шурка, недоверчиво хмыкнув.

– Сказать по правде, оно идет тебе гораздо больше, чем мужской костюм!

– Вот и носите такие тряпки, раз уж они вам нравятся! – рассвирепела подружка. – Ну-ка, где моя шпага, я вас сейчас и в платье вздую так, что мало не покажется!

– Вот это по-нашему, – широко усмехнулся Руфус, а его приятель с поклоном вручил девочке деревянный клинок.

– Возьмите этот меч, принцесса, и ведите в бой своих верных вассалов!

– Становись в позицию, болтун, и защищайся!

Такие походы случались далеко не каждый день, и юная принцесса надеялась, что они останутся тайной для матери и бабушки, но не тут-то было. Если сонные

няньки и могли перепутать Гретхен и Марию Агнессу, а стража не обратить внимания на девчонку в простом платье, то уж о Хильде этого сказать было никак нельзя! От природы вредная и склонная ябедничать, племянница управляющего была до крайности уязвлена высокомерием новоявленной принцессы и обдумывала планы мести. То, что она сама виновата в подобном отношении, ей, разумеется, и в голову не пришло. Так что когда она увидела знакомую фигурку, выходящую из замка, и удостоверилась, что это именно Мария, Хильда поняла, что пробил ее час.

В тот день Шурка снова удрала к своим приятелям и с упоением дралась с ними на деревянных шпагах, затем они, вдоволь накупавшись в речке, грелись на солнце и, наконец, распрощавшись, разошлись, каждый в свою сторону. Первый звоночек, что что-то идет не так, прозвенел, едва она вошла в замок. Стражник, обычно не обращавший на шнырявших туда-сюда детей никакого внимания, вдруг внимательно посмотрел на нее и сделал знак своему товарищу. Затем, оказалось, что калитка в герцогский садик, из которой она обычно выходила, оказалась закрытой. Бежать к себе ей пришлось через парадный вход, где ее немедленно перехватили служанки.

Через минуту злоумышленница стояла перед герцогиней и матерью, и выражения лиц обеих не внушали ей ни малейшего оптимизма.

– Где вы были, ваша светлость? – нервно спросила Марта, и сам тон вопроса, а также то, что она прибегла к титулованию, со всей ясностью показали, что дело худо.

– Я гуляла, – обреченно вздохнула Шурка.

– И где же?

– В окрестностях замка.

– Чудно!

– Матушка, простите, но...

– Никаких но!

Девочке ничего не оставалось, как стоять, сжав зубы, и, упрямо сдерживая слезы, выслушивать все, что мама и бабушка думают о ее безответственном поведении. Герцогиня, впрочем, больше молчала, но когда она заговорила, Шурке стало совсем плохо.

– Вы поступили очень дурно, Мария Агнесса, – необычно скрипучим голосом заявила она. – И ваш проступок, несомненно, заслуживает наказания. И будьте уверены, что ваша светлость получит его полной мерой, равно как и ваши няньки, допустившие преступную небрежность, не говоря уж о маленькой сообщнице, которую вы себе сыскали.

Наказание заключалось в том, что всех виновных высекли, кроме, естественно, самой принцессы. С ней поступили еще хуже – ее заставили на это смотреть. И если крики нянек вызвали у Шурки весьма мало сочувствия, то каждый удар по малышке Гретхен отдавался по ней, будто били не подружку, а ее саму. Когда экзекуция закончилась, она хотела броситься к бедняжке и попытаться хоть как-то утешить ее, но глотающей слезы девочке не позволили и такой малости. Служанки немедля схватили принцессу за руки и вывели ее вон, после чего посадили под замок и целых три дня не выпускали никуда, кроме церкви.

– У меня у самой сердце кровью обливается, но это было необходимо, – тяжело вздохнув, пояснила герцогиня в ответ на полный мольбы взгляд Марты. – Представь себе, что она устроит нечто подобное, когда вы отправитесь в Росток?

– Она еще так мала...

– Но уже принцесса и должна привыкать, что всякое ее действие может отразиться не только на ней, но и на окружающих!

– Да, я понимаю.

– Боюсь, что нет, девочка моя. Ты дочь бюргера и навсегда ей останешься, но твоя дочь стала нобилем. И выйдет замуж за нобиля! [5 - Нобили – сословие высшей аристократии в древнем Риме. Здесь – представитель высшего общества.]

– Она всего лишь маленькая девочка.

– Пока – да! Но она признанная дочь мекленбургского герцога и русского царя, и, когда она войдет в возраст, помани мое слово, выстроится целая очередь из сыновей владетельных особ, желающих породниться с Никлотингами!

– К незаконнорожденной?!

– Ну, за старшего сына какого-нибудь короля мы ее вряд ли выдадим, но за второго-третьего отпрыска герцога или маркграфа, почему бы и нет?

– Слава богу, это будет еще не скоро.

– Да, но готовиться надо уже сейчас. К тому же вам необходимо наведаться в ваши новые владения.

– Сейчас?

– Момент удобный. Как ты знаешь, король Густав Адольф собирается навестить бранденбургского курфюрста по одному важному делу. И Катарина Шведская ни за что не пропустит это мероприятие.

– Вы все-таки думаете, что речь идет о сватовстве?

– О чем же еще, моя милая?

– Значит, король расстался с Эббой Браге.

– Может, и нет, какая нам разница? – пожала плечами герцогиня и внимательно посмотрела на Марту. – Девочка, ты же лучше других знаешь, что короли не женятся на золушках. При том, что графиня Браге совсем не золушка!

– Конечно, ваше высочество, просто это была такая красивая история.

– Красивая? – фыркнула Клара Мария. – Вот уж ничуть! Как по мне, твоя – куда лучше. Твоя дочь – принцесса и ее будущее обеспечено, если она, конечно, сама ничего не испортит. Теперь ты вполне можешь попытаться устроить свою судьбу. И не смотри на меня так, я хоть и старая, но все-таки женщина! И помню, каково это быть одной.

– Вы тоже хотите выдать меня замуж?

– Я всегда считала это разумным... погоди-ка, а кто этот – «тоже»?

– Ваша внучка!

– Вот как? – Герцогиня на секунду задумалась, а потом вперила в камеристку внимательный взгляд и осторожно спросила: – Скажи, а тебе не показалось, что маленькая Мария Агнесса очень переменялась после этой болезни?

– Да, ваше высочество, так оно и есть.

– Тебя это не беспокоит?

– Беспокоит, конечно, но я уже видела такое однажды.

– И где же?

– В родном Кляйнештадте. Ваш сын тогда был ранен, после... одного случая, и был совсем плох, но когда выздоровел, стал совершенно другим человеком. Мария Агнесса его дочь, и потому это преобразование меня не удивляет.

– Любопытно. Но у нас еще будет время поговорить об этом. А теперь ступай к принцессе и попытайся ее утешить.

– Слушаюсь, – сделала книксен Марта и хотела было выйти, но задержалась и нерешительно спросила: – Как скоро мы отправимся в путь?

– Полагаю, недели через две. Надеюсь, я к тому времени окрепну и смогу проделать такой путь.

Говорят, что самой большой драгоценностью в короне герцогов Мекленбурга является город Росток. И с этим трудно не согласиться: богатый торговый город приносил своим владельцам более трети всех их доходов. Хотя его жители много раз пытались добиться для себя статуса вольного имперского города, Никлотинги до сих пор прочно держали в руках все нити управления и не

собирались упускать их впредь. И пусть нынешний герцог продолжает пропадать в далекой и дикой Московии, в которой стал царем и даже, по слухам, сменил веру, но его жена – герцогиня Катарина и тетка – герцогиня София – все так же крепко правят своими амтами, включая самый богатый из них – Росток.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Mutti – мамочка (нем.).

2

Терпсихора – муза, покровительница танцев и хорового пения.

3

Виттельбахи – один из самых знатных и разветвленных дворянских родов Германии, к которому принадлежал Фридрих Пфальцский.

4

Амт – территориально-административная единица в Северной Германии. Здесь – владение.

5

Нобили – сословие высшей аристократии в древнем Риме. Здесь – представитель высшего общества.

Купить: https://tellnovel.com/ochenkov_ivan/meklenburgskaya-princessa

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)